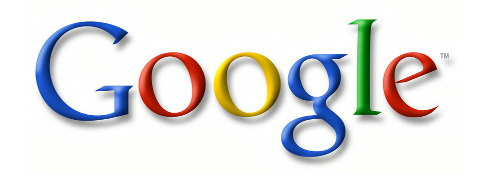
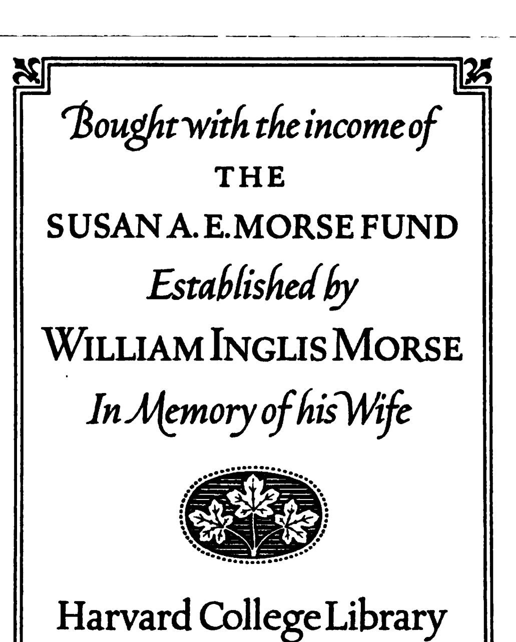
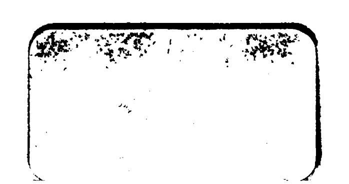
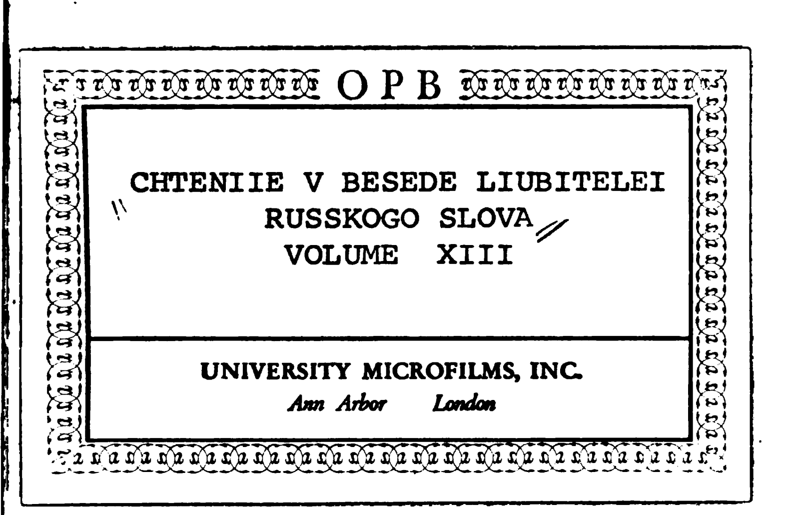

Google

OPB
CHTENIIE V BESEDE LIUBITELEI
RUSSKOGO SLOVA
VOLUME XIII
UNIVERSITY MICROFILMS, INC.
Ann Arbor London

THIS "O-P BOOK" IS AN AUTHORIZED REPRINT OF THE ORIGINAL EDITION, PRODUCED BY MICROFILM-XEROX BY UNIVERSITY MICROFILMS, INC., ANN ARBOR, MICHIGAN, 1961

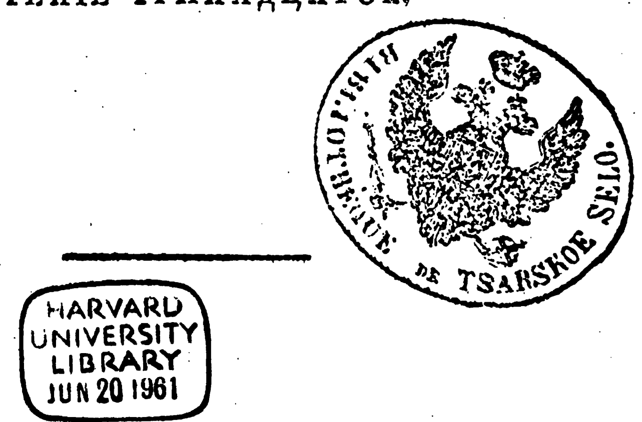
ЧТЕНІЕ

ВЪ

БЕСѢДѢ

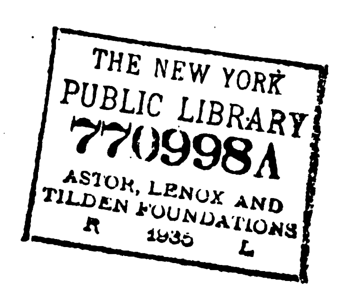
ЛЮБИТЕЛЕЙ РУСКАГО СЛОВА.

ЧТЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

при Сенатской Типографіи
1813 года.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, что бы по напечатаніи до выпуска изъ Типографіи представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, Іюня 5 го 1813 года.

Цензоръ Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ
Иванъ Тимковскій.

СПИСОКЪ

Г. Г. Членовъ, нынѣ Бесѣду Любителей Рускаго слова составляющихъ.

ПОПЕЧИТЕЛИ.

Николай Семеновичъ Мордвиновъ (*въ отсутствіи.*)
Графъ Алексѣй Кириловичъ Разумовскій.
Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ.
Василій Степановичъ Поповъ.
Сергѣй Козмичъ Вязмитиновъ.

ПЕРВЫЙ РАЗРЯДЪ.

Предсѣдатель.

Александръ Семеновичъ Шишковъ.

Дѣйствительные Члены:

Алексѣй Николаевичъ Оленинъ.
Петръ Андреевичъ Кикинъ.
Князь Дмитрій Петровичъ Горчаковъ.
Князь Сергѣй Александровичъ Шихматовъ.
Иванъ Андреевичъ Крыловъ.

Члены Сотрудники:

Александръ Александровичъ Хвостовъ.
Андрей Петровичъ Брежинскій.
Василій Өедоровичъ Тимковскій.
Иванъ Аөанасьевичъ Praнько.
Александръ Ивановичъ Ермолаевъ.

ВТОРЫЙ РАЗРЯДЪ.

Председатель.

Гаврило Романовичъ Державинъ.

Действительные Члены:

Иванъ Семеновичъ Захаровъ.
Графъ Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ.
Александръ Өедоровичъ Лабзинъ.
Дмитрій Осиповичъ Барановъ.
Өедоръ Петровичъ Львовъ.

Члены Сотрудники:

Яковъ Андреевичъ Галинковскій.
Евстафій Ивановичъ Станевичъ.
Николай Ивановичъ Ильинъ.
Михайло Сергѣевичъ Щулепниковъ.
Степанъ Петровичъ Жихаревъ.

ТРЕТІЙ РАЗРЯДЪ.

Предсѣдатель.

Александръ Семеновичъ Хвостовъ.

Дѣйствительные Члены:

Князь Александръ Александровичъ Шаховскій.
Семенъ Семеновичъ Филатовъ.
Петръ Ивановичъ Соколовъ, (*Онъ же Секретарь Бесѣды.*)
Графъ Сергѣй Павловичъ Потемкинъ.
Степанъ Ивановичъ Висковатовъ.

Члены Сотрудники:

Дмитрій Евсеевичъ Василевскій.
Валеріанъ Николаевичъ Олинъ.
Александръ Гавриловичъ Волковъ.
Николай Ивановичъ Гречъ.
Александръ Христофоровичъ Востоковъ.

ЧЕТВЕРТЫЙ РАЗРЯДЪ.

Предсѣдатель.

Иванъ Матвѣевичъ Муравьевъ-Апостолъ.

Дѣйствительные Члены:

Гаврило Герасимовичъ Политковскій.
Яковъ Александровичъ Дружининъ.

Петръ Матвѣевичъ Карабановъ.
Александръ Александровичъ Писаревъ.
Павелъ Юрьевичъ Львовъ.

Члены Сотрудники.

Николай Романовичъ Политковскій.
Дмитрій Акимовичъ Вороновъ.
Петръ Александровичъ Корсаковъ.
Константинъ Васильевичъ Злобинъ.
Иванъ Ивановичъ Граффа.

ПОЧЕТНЫЕ ЧЛЕНЫ БЕСѢДЫ.

Преосвященный Амвросій, Митрополитъ Санктъ-Петербургскій, и проч.
Преосвященный Евгеній, Епископъ Вологодскій и Устюжскій.
Преосвященный Амвросій, Епископъ Тульскій и Бѣлевскій.
Сестренцевичъ - Богушъ, Митрополитъ Римскихъ Католическихъ церквей въ Россіи.
Архимандритъ Филаретъ.
Графъ Ѳедоръ Васильевичъ Растопчинъ.
Александръ Львовичъ Нарышкинъ.
Княжна Катерина Сергѣевна Урусова.
Дѣвица Анна Петровна Бунина.
Дѣвица Анна Алексѣевна Волкова.
Логинъ Ивановичъ Голенищевъ-Кутузовъ.

Павелъ Ивановичъ Голенищевъ-Кутузовъ.
Петръ Михайловичъ Волконскій.
Александръ Дмитріевичъ Балашовъ.
Николай Исаевичъ Ахвердовъ.
Осипъ Петровичъ Козодавлевъ.
Юрій Александровичъ Нелединскій- Мелецкій.
Князь Александръ Михайловичъ Голицынъ.
Петръ Степановичъ Молчановъ.
Владиславъ Александровичъ Озеровъ.
Платонъ Яковлевичъ Гамалея
Николай Никалаевичъ Бантышъ-Каменскій.
Андрей Өедоровичъ Дерябинъ.
Сергѣй Семеновичъ Уваровъ.
Николай Михайловичъ Карамзинъ.
Василій Васильевичъ Капнистъ.
Николай Петровичъ Николевъ.
Иванъ Аөанасьевичъ Дмитревскій.
Графъ Алексѣй Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ.
Князь Алексѣй Ивановичъ Горчаковъ.
Николай Николаевичъ Новосильцовъ.
Николай Васильевичъ Лаба.
Василій Михайловичъ Севергинъ.
Елисавета Ивановна Ланская.

На кончину Генералъ-Фельдмаршала Князя Смоленскаго.

Горе и горе!! скрылась, угасла
Молнія Бога, сильнаго въ браняхъ,
Зависть и злобу свергшая въ прахъ.
Первенецъ славы въ витязяхъ Русскихъ,
Чуждымъ народамъ щитъ отъ тиранства,
Кровной Россіи столпъ и оплотъ,
Палъ подъ ударомъ острія смерти;
Палъ — и убійствомъ смерть возгордилась,
Люто тщеславна въ выборѣ жертвъ.

Сѣверъ и Западъ вдругъ возстенали,
Разныя царства вмѣстѣ рыдаютъ,
Вѣшній природы сѣтуетъ видъ.
Тучи печали съ сердца подъемлясь,
Очи Россіи мглою покрыли,
Льются шумящимъ слезнымъ дождемъ;
Плачетъ Россія плачемъ великимъ,
Плачетъ о сынѣ данномъ ей свыше
Жизнь и свободу матери дать.

Тщетно я силюсь, бѣдствомъ гнѣтомый,
Скорбію, какъ терномъ въ грудь уязвленный,
Пѣснію лирной горесть прельстить.
Чая утѣшить страждущу душу
Тщетно блуждаютъ персты дрожащи
Вновь по незвонкимъ, томнымъ струнамъ;
Пѣсненны гласы медлятъ въ гортани,
Къ звукамъ отраднымъ нудима лира
Стонъ издавая плачетъ со мной.

———

Россовъ живитель! ты ли во гробѣ?
Сколько вы тлѣнны, сколько ничтожны,
Съ дольнимъ блаженствомъ связи людей!
Волосъ тончайшій, нить паутины,
Съ вами сравненны, кажутся верви.
Палъ!— и давно ли падалъ предъ нимъ
Врагъ ополченный силой Европы,
Врагъ ухищренный хитростью ада,
Бичъ земнородныхъ, ужасъ войны?

———

Вижу героя въ подвигахъ ратныхъ:
Благомъ отчизны дышущъ и движимъ,
Благу отчизны жизнь посвятивъ,
Выше и выше славой взносился.
Лавромъ Дунайскимъ свѣжимъ, вѣтвистымъ
Блескъ заслоняя гордой луны,

Орлимъ полетомъ, съ каждой стремится
Гнать отъ Россіи скопища игровъ,
Гнать отъ престола хищника царствъ.

———

Двигнулъ на злобу строи тѣнисты;
Сильный управить битву браздами,
Въ помощь зовущій Господа силъ,
Страшенъ какъ буря, бросилъ перуны
Въ челюсти змія пламенны, дымны,
Алчно разверсты Сѣверъ пожрать;
Бросилъ — и рѣки вражіей крови
Черны, кипящи, роютъ долину:
Зыблется небо, стонетъ земля.

———

Россы воспомнивъ праотцевъ крѣпость,
Груди смыкая въ твердую стѣну,
Въ брань соступились, силою львы;
Громы громами вспять отражая,
Помыслъ единый въ сердцѣ питали:
Въ славу Россіи жить и умреть.
Галлы низверглись тысящьми, тьмами;
Тако предъ вихремъ зыблясь дубравы,
Съ шумомъ и трескомъ падаютъ въ долъ.

———

Бой Бородинскій — диво потомству!
Славой какъ звѣзды воины блещутъ,
Солнцу подобно свѣтится вождь.

Мудростію свыше тайно наставленъ,
Зная что было, видитъ что будетъ,
Взоромъ пронзая мраки судебъ:
Воевъ собою тьмы замѣняя,
Разумомъ тонкимъ ткалъ онъ совѣты,
Въ коихъ лукавый вязнетъ злодѣй.

———

Буря мѣшаетъ небо и море,
Вѣтръ упираясь въ парусы, въ снасти,
Къ пагубѣ клонитъ зыбкій корабль;
Водныя горы, пѣной кипящи,
Въ ребра ударивъ льются въ утробу,
Ужасъ объемлетъ робкихъ пловцовъ;
Бодрственный кормчій, опытный въ бѣдствахъ,
Щоглу сѣкаетъ, вержетъ въ пучину;
Вдругъ облегчился, спасся корабль.

———

Такъ искушенный въ битвахъ воитель,
Градомъ престольнымъ жертвуя року,
Цѣлое царство жертвою спасъ.
Сонмами сильныхъ строи сгущая,
Въ плачъ обращаетъ изверга радость;
Бранью стѣсняя, гладомъ томя,
Нудитъ чудовищъ рыскать изъ лога;
Гонитъ ихъ бѣгство, дѣтище страха;
Тучей надъ ними гибель виситъ.

Туча обрушась варваровъ губитъ,
Губитъ ихъ Небо, губятъ ихъ Россы,
Губятъ ихъ мразы, губятъ ихъ гладъ.
Первѣе тигры, нынѣ елени,
Трепетны, наги, тощи и блѣдны,
Раны пріемля въ выи, въ хребты,
Падаютъ съ воплемъ груды на груды;
Тысящи поприщъ трупами полны;
Множеству тѣней тѣсенъ сталъ адъ.

———

Окрестъ Смоленска брань распылалась,
Мещетъ изъ мѣди молній пожары;
Тьмы супостатовъ землю грызутъ,
Тьмы припадая къ Росскимъ колѣнамъ
Россомъ щадятся, къ мести несроднымъ.
Вражески громы въ Росскихъ рукахъ.
Витязь побѣдный, сила Россіи!
Именемъ новымъ славься, красуйся,
Витязь Смоленскій — имя тебѣ.

———

Нѣмень съ Москвою кровью сліялся;
Видѣли Висла, Одеръ и Эльба,
Россовъ геройство, мудрость вождя.
Царствамъ Германскимъ, въ рабствѣ лежащимъ,
Скованнымъ цѣпью Рейнскія козни,
Солнца свободы блещетъ заря,

Такъ подвизаясь въ вечерѣ жизни,
Чтимый Россіей, дивный въ Европѣ,
Славы земныя верьха достигъ.

Славой высокій, вышшій смиреннымъ,
Славитъ онъ сердца Господа славы.
Боже отмщеній! Боже щедротъ!
Страшный во гнѣвѣ, въ милости чудный!
Призришь ли гнѣвомъ съ неба на землю,
Трепетъ обыметъ сердце земли,
Горы растаютъ, море побѣгнетъ,
Прейдутъ народы, царства погибнутъ;
Такъ ты содѣлалъ нашимъ врагамъ.

Призришь ли свыше милостью къ смертнымъ:
Тварь обновится, жизнью взыграетъ,
Тучи искаплютъ тукъ на поля,
Класы и грозды землю украсятъ,
Склонятся вѣтьви тяжки плодами,
Сушу и воды миръ осѣнитъ;
Вкусятъ народы сладость блаженства,
Царства скрѣпятся силой и славой;
Такъ ты содѣлалъ Россамъ твоимъ.

Ты побораяй, правый! по правдѣ,
Крѣпкой рукою, мышцей высокой,

Гордыхъ низринулъ, кроткихъ вознесъ;
Брань сокрушая буйныхъ языковъ
Міру познался Богомъ Россіи,
Дщери любезной нѣжнымъ отцемъ.
Ты возвеличилъ Росса подъ Солнцемъ;
Ревностью вѣры, строгостью нравовъ,
Россъ возвеличитъ благость твою.

———

Вѣчную смертнымъ мощь проявляя
Дѣйствомъ чудеснымъ слабыхъ орудій,
Ты, Всемогущій! избралъ меня,
Внѣдрилъ мнѣ въ сердце крѣпость надежды,
Мужество въ душу, бдительность въ разумъ,
Тяжку со старца старость совлекъ;
Виждь — и не презри слезъ благодарныхъ.
Нашей болѣзни ты исцѣлитель,
Нашей побѣды ты похвала.

———

Рекъ — и молитвы гласъ умиленный
Быстро сквозь звѣзды выспрь возлетаетъ,
Входитъ во уши Господа силъ;
Слышитъ Всещедрый мужа желаній,
Слышитъ — и щедритъ. — Видя, что въ мірѣ
Всякія чести ниже его,
Честью премірной вѣрность вѣнчаетъ,
Близкаго къ небу вѣрой и славой
Выше возноситъ — въ небо небесъ.

Странникъ, претекшій смерти пустыню,
Входитъ въ отчизну, жизни жилище,
Входитъ, отрясшій смертности пыль.
Новаго друга, новаго брата,
Всѣ тамъ срѣтаютъ, всѣ тамъ объемлютъ,
Радуютъ чашей райской любви.
Онъ возвеличенъ дышетъ блаженствомъ,
Таетъ въ восторгахъ зря издалече
Свѣтъ неприступный Господа силъ.

Радуйся въ вышнихъ, радость Россіи!
Самъ утѣшаясь благомъ верховнымъ,
Намъ въ утѣшенье призри съ высотъ.
Ты возвращаясь къ Богу отъ міра
Насъ не оставилъ сирыхъ во брани,
Предалъ Герою громы свои;
Ими ударивъ Галлію зыблетъ,
Россъ торжествуетъ. — Клики побѣдны
Къ небу несутся въ слѣдъ за тобой.

Радуйся, Витязь, дважды безсмертный!
Царь и Россія данію новой
Чтутъ предъ вселенной память твою,
Чтутъ — и вселенна чтущимъ сплещетъ:
Живъ ты межъ Ангелъ въ градѣ Господнемъ,
Живъ ты межъ нами, дышешь въ мѣди;
Дышешь, вдыхая страхъ въ супостатовъ,

Дышешь, вдыхая мужество въ Россовъ,
Пламень къ Россіи, пламень къ Царю.

Съ вечера, съ утра, съ полдня, съ полнощи,
Россы стекутся къ Невскому брегу,
Кланяться съ нами славѣ твоей:
Дщери Россійски, матери нѣжны,
Слабыхъ младенцевъ, зрѣющихъ къ слову,
Славить научатъ имя твое;
Старцы маститы, образъ твой видя,
Градомъ роняя теплыя слезы,
Внемлющимъ внукамъ съ чувствомъ рекутъ:

Се избавитель нашей Россіи!
Мудрость и храбрость въ немъ обнимались,
Галла-Батыя онъ поразилъ,
Вѣрой не зыблемъ, сладокъ былъ нравомъ;
Страшный во брани миловалъ слабыхъ,
Гордыхъ сражая, сердцемъ жалѣлъ;
Въ щастіи шумномъ духомъ трезвился,
Въ бурѣ нещастій духомъ мужался;
Небу и Россамъ вѣчная честь!

Стой нерушимо, образъ священный!
Стой побѣждая времени силу.
Стой отражая споры стихій;

Вождь Задунайскій, вождь Италійскій,
Въ видахъ ихъ славы, Россамъ любезныхъ,
Вяще возблещутъ блескомъ твоимъ;
Стой—и дерзая слейся лучами
Съ дивнымъ колоссомъ славы Петровой,
Градъ и Россію съ нимъ озаряй.

Князь Сергій Шихматовъ.

ПИСЬМО

КЪ

АРХИМАНДРИТУ ФИЛАРЕТУ.

Ваше Высокопреподобіе!

Простите меня, что я вамъ докучаю письменно о томъ же предметѣ, о которомъ я безпокоилъ васъ изустно. Но что мнѣ дѣлать? Я день и ночь объ немъ мечтаю, и безпрерывно въ слухѣ моемъ отдаются звуки прекрасныхъ выраженій изъ сочиненной будто вами рѣчи или разсужденія: о нравственныхъ причинахъ неимовѣрнаго нашего успѣха въ нынѣшней войнѣ!— *Въ войнѣ неистовой и неслыханной, подъятой на насъ цѣлою почти Европою, подъ предводительствомъ искони наглыхъ, жестокихъ и безбожныхъ Французовъ!*

Я васъ утруждать не стану повтореніемъ всего, что мною по сему предмету, было уже вамъ въ подробности объяснено, на сихъ дняхъ во время пріятнѣйшей для меня съ вами бесѣды. Но повторю здѣсь только то, что, по моему мнѣнію, не было еще доселѣ удобнѣйшаго случая, краснорѣчивому перу духовной

особы, смѣло вступить въ поприще свѣтской словесности. И въ самомъ дѣлѣ, кому же, есть ли не служителю Святаго Олтаря, приличествуетъ доказать произшествіями нынѣшней войны, что неимовѣрные подвиги народа Русскаго начало и основаніе свое имѣютъ въ безпредѣльной вѣрѣ къ Богу, въ природной простой нравственности, суемудріемъ неизкаженной, въ вѣрности къ Царю, не по умствованію, но по закону Божію, и въ любви къ Отечеству.— И такъ благочестивое перо ревностнаго служителя православной церкви не токмо на каѳедрѣ въ храмѣ Божіемъ, но даже въ палатахъ и въ сонмѣ мірянъ, да представитъ намъ въ живыхъ картинахъ, сколь могуществененъ народъ, несомнѣнно ожидающій новой жизни за предѣломъ гроба,— народъ руководимый такимъ правительствомъ, въ коемъ Царь, въ видѣ чадолюбиваго отца, по самому естественному закону, безъ всякаго насилія управляетъ многочисленными дѣтьми своими— и дѣтьми дѣтей своихъ!— Да изобразитъ оно намъ, что можетъ предпринять такимъ образомъ устроенное Государство противъ коварныхъ и неистовыхъ усилій наглаго народа, управляемаго не любовію къ Царю и Отечеству своему, но единственно страхомъ жесточайшихъ и неминуемыхъ казней,— народа, движимаго не

чувствомъ благороднымъ къ защищенію Отечества своего отъ наносимыхъ ему обид, или къ предупрежденію оныхъ — но подстрекаемаго однимъ прельщеніемъ грабежа, подъ личиною мнимой славы! Да скажетъ оно намъ, что можетъ произвесть благочестивый духъ единаго народа противъ соединенныхъ силъ почти всѣхъ племенъ Европы, беззаконною властію въ многочисленную орду столпленныхъ, но дѣйствующихъ безъ правды, безъ вѣры и слѣдственно безъ Бога! — Да изъяснитъ оно, какъ ничтожны силы ихъ противъ народа, который начинаетъ войну, съ упованіемъ восклицая: съ нами Богъ! *И твердо держа въ умѣ заповѣдь прародителей своихъ:* умремъ или побѣдимъ, мертвіи бо срама не имутъ.

Вотъ что, по мнѣнію моему, предлежитъ описать краснорѣчивому перу вашему. Въ доказательствахъ вамъ недостатка не будетъ, на то могутъ служить съ излишествомъ произшествія нынѣшней войны. Согласитесь только на сей подвигъ, достойный вашего благочестія и любви къ Отечеству. А мы уже съ дозволенія вашего прочитаемъ — и конечно съ восторгомъ и умиленіемъ слушать будемъ произведеніе пера вашего въ свѣтскихъ нашихъ бесѣдахъ.

Поручая себя молитвамъ вашимъ, имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію

Вашего Высокопреподобія

Покорнѣйшимъ слугою
Алексѣй Оленинъ.

5 Генваря
1813.

ОТВѢТЪ

на письмо, которымъ предложено было написать *разсужденіе о нравственныхъ причинахъ неимовѣрныхъ успѣховъ нашихъ въ настоящей войнѣ.*

Не знаю, какой духъ, въ опасномъ для меня мечтаніи, представилъ вамъ, будто вы слышите мое *разсужденіе о нравственныхъ причинахъ неимовѣрныхъ успѣховъ нашихъ въ настоящей войнѣ.* Можетъ быть, то былъ величественный духъ любви къ Отечеству, который вездѣ даетъ слышать ея отголоски, во всемъ представляетъ ея образы: можетъ быть то былъ кроткій духъ любви къ отечественному слову, который желаетъ и связанные разрѣшать, и косные возбуждать языки. Духъ благотворный: но для меня искусительный! что, естьли, послѣдуя вашему, слишкомъ ласковому ко мнѣ, мечтанію, возмечтаю и я, будто могу разсуждать въ слухъ общенародный о такихъ произшествіяхъ, о которыхъ

теперь на всѣхъ образованныхъ языкахъ человѣческихъ не столько разсуждаютъ, сколько восклицаютъ; которыя сами о себѣ говорятъ выразительнѣе всѣхъ языковъ человѣческихъ,— и въ которыхъ, по исповѣданію всѣхъ благочестивыхъ и добродѣтельныхъ людей, даже по признанію нѣкоторыхъ безбожниковъ, самъ Господь возглаголалъ?

Разсуждать о такихъ происшествіяхъ царствъ, которыя очевидно проходя подъ перстомъ Царя Царствующихъ, представляются въ позоръ и наставленіе міру, по моему мнѣнію, имѣютъ полномочіе токмо тѣ, которымъ Онъ Самъ изострилъ и расширилъ взоръ, дабы они могли проникать въ тайные законы міродержавства его, и отчасти объимать безмѣрныя соображенія судовъ его. Тотъ, кто предприметъ скудною пядію своею измѣрить всю землю, будетъ только пресмыкаться; и скоро кончитъ великій подвигъ — великимъ утомленіемъ. Слабыя изслѣдованія не возвышаютъ и не усовершаютъ, естьли еще не разстроиваютъ и не унижаютъ впечатлѣнія, которое сами собою производятъ предметы величественные.

Съ другой стороны, когда мы находились среди такихъ событій, которыя испроверг-

нувъ чаяніе нашего врага, превзошли нашу собственную надежду; и показали въ насъ надежду отчаянной Европы; какой сынъ Отечества не обязанъ, для себя и Отечества, восходить мыслію и сердцемъ къ источнику сихъ благословенныхъ событій; дабы всѣми силами охранять оный, и естьли можно, распространять его благотворныя изліянія?

Вы видите, что я колеблюсь между поражающею великостію предложеннаго вами предмета, и между привлекающею занимательностію его; между порѣваніемъ исполнить желаніе ваше, и между опасеніемъ не удовлетворить ожиданію. Помогите мнѣ рѣшиться. Пошлите мнѣ благотворнаго духа, не для того, чтобы онъ обременилъ меня тяжкими оковами разсужденія, въ которыхъ бы я вскорѣ изнемогъ и палъ, но дабы, въ легкомъ мечтаніи, пронесъ онъ и меня надъ необозримымъ поприщемъ неимовѣрныхъ событій и далъ бы мнѣ собрать непринужденно тѣ мысли, какія на пути мнѣ представятся.

Когда вы предлагаете мнѣ искать *нравственныхъ причинъ* для изъясненія неимовѣрныхъ событій настоящей войны: тогда вы уже признали, что ни естественное положеніе сражающихся силъ, ниже искусственный образъ

ихъ дѣйствованія, не даютъ вамъ всего желаемаго изъясненія на произшествія. Иначе какая была бы нужда помышлять *о причинахъ нравственныхъ?* — И такъ, послѣдуя вашимъ указаніямъ, на пути къ открытію истинныхъ причинъ, отъ которыхъ произошли *неимовѣрные успѣхи* оружія Россійскаго, я долженъ прежде пройти нѣкоторыя обстоятельства, по которымъ сіи *успѣхи* казались *неимовѣрными.*

Вѣрнѣйшіе успѣхи брани предуготовляются прежде брани; мечь пожинаетъ большею частію тѣ лавры, которые посѣяны миромъ. Казалось, никто лучше врага не зналъ сей опытной истинны. Предъ настоящею войною мы имѣли пять лѣтъ искренняго мира съ нимъ: а онъ столько же, естьли не болѣе, времени приготовленія къ войнѣ съ нами.

Покрываясь личиною нашего союзника, не простиралъ ли онъ тайную руку на растрорженіе другихъ нашихъ союзовъ? Не онъ ли наипаче раздувалъ попеременно на той или другой границѣ обширной Имперіи пламя войны, которая хотя не изнуряла ее, но развлекала; хотя пріобрѣла ей новую славу и новыя

области, но не дала насладиться отрадою и плодами желаннаго мира? Когда желаніе всеобщаго мира убѣдило насъ оказать холодность непреклонной морской державѣ: не питалъ ли онъ тогда сокровеннаго желанія отяготить дѣйствіе сей мѣры надъ нами самими? Не старался ли онъ устроять себѣ въ собственныхъ нашихъ предѣлахъ невидимое передовое ополченіе, посылая слѣдами странствующихъ сыновъ царства Французскаго, которые бѣгутъ къ намъ отъ пожравшей ихъ отечество заразы,—толпы извергов мятежа, которые несутъ свою язву съ собою; и сынами Сѣвера, столь же чуждыми низости подозрѣнія, какъ и слабости ухищренія, пріемлются иногда въ ихъ безопасныя жилища, какъ змія въ нѣдро?— Я не буду отвѣтствовать на сіи вопросы: ибо не желаю проникать въ дѣла тьмы, которыхъ прозорливое Правительство не желало, можетъ быть, обнажать по великодушію, или совсѣмъ не хотѣло примѣчать изъ презрѣнія.

Но когда, среди мира, долженствовавшаго сохранить Европѣ остатокъ ея свободы, Франція разрушала престолы, поглощала города, подавляла слабыхъ союзниковъ; когда войска, толико нужныя на Югѣ, не оставляли Сѣвера;

но еще часъ отъ часу въ большемъ числѣ, подобно тучамъ, неслись туда же изъ порабощенныхъ царствъ: для кого могли быть загадкою намѣренія властолюбивой державы? Чѣмъ огромнѣе были ея приготовленія; тѣмъ яснѣе показывали, противъ кого напрягаетъ она свои силы.

Что же мы дѣлали въ сіе время? — О! Что мы тогда дѣлали; то, можетъ быть, не токмо врагамъ, но и доброжелателямъ нашимъ казалось недальновиднымъ или недостойнымъ сыновъ силы: но послѣдствія даютъ намъ право говорить, что то было премудро и велико. Мы — свято сохраняли миръ; терпѣливо напоминали о его законахъ вѣроломному союзнику, и наконецъ весьма тихо приближились къ своимъ границамъ токмо для того, чтобы съ миромъ итти во срѣтеніе самой брани.

Естьли превосходное число войска, бодрость воиновъ, обнадеженныхъ симъ превосходствомъ, благовременныя и обильныя къ войнѣ приготовленія, свобода избрать образъ, время и мѣсто военныхъ дѣйствій суть начатки военныхъ успѣховъ: то, взирая съ одной стороны на цѣлую почти Европу, прельщеніемъ и угрозами вовлеченную въ предпріятія одного властолюбца, съ другой на Россію, оста-

вленную союзниками, похищенными великимъ вихремъ или устрашенными, занятую войною съ многочисленнымъ народомъ и, подъ манiями кроткаго Монарха, въ тишинѣ ожидающую приближенiя новой и опаснѣйшей бури, — не могъ ли бы кто сказать, что Наполеонъ, еще не начиная войны, уже побѣждаетъ? Такъ по крайней мѣрѣ думалъ онъ самъ: и должно признаться, что его предсказанiя о завоеванiи Россiи, только нынѣ смѣшныя, могли казаться тогда не столько неимовѣрными, какъ то, естьли бы кто сталъ предсказывать конечное истребленiе безчисленныхъ союзныхъ полчищъ. — Но непорфирородный царь, возгласившiй быть еще непомазаннымъ пророкомъ, не провидѣлъ того, что, кромѣ физическихъ и политическихъ, Государства одушевляются и дѣйствуютъ высшими нравственными силами; что насилiе возбуждаетъ противъ себя тѣ самыя силы, которыя ему покоряются; что ухищренiя могутъ быть перехищрены или разрушены нечаянностiю; что правота всегда могущественнѣе коварства и злобы, своею твердостiю и провидѣнiемъ. Высокоумный повелитель надмѣннаго мнимою образованностiю народа не зналъ, и къ продолженiю бѣдъ Европы, не изучилъ и досселѣ сего простаго языка нравственности.

Необыкновеннымъ открытіемъ военныхъ дѣйствій врагъ довершилъ чертежъ вѣроломства: и по видимому, пріобрѣлъ новый залогъ чаемыхъ успѣховъ. Онъ началъ брань не инакъ, какъ Государь, который, не могши убѣжденіемъ расположить другаго Монарха или народъ къ справедливымъ, по его мнѣнію, пользамъ своей державы, торжественно возвѣщаетъ ему и другимъ, что употребитъ данную ему Провидѣніемъ силу для достиженія своей цѣли: онъ началъ брань, или, какъ нѣкій богъ браней, который никому не обязанъ открывать своихъ предопредѣленій, или какъ нѣкій крамольникъ, внезапнымъ возстаніемъ поспѣшающій предупредить казнь, которой чувствуетъ себя достойнымъ. Симъ наглымъ попраніемъ народныхъ правъ онъ открылъ себѣ путь ненаказанно попирать нашу землю, между тѣмъ какъ мы принуждены были въ одно время, и отражать его нападенія и только еще приводить къ единству движенія распростертаго по пространнымъ областямъ войска, коего число и въ соединеніи не могло быть страшно для сліянныхъ силъ шестнадцати народовъ.

Дано кровопролитнѣйшее изъ всѣхъ извѣстныхъ въ наши времена сраженіе, въ которомъ, чѣмъ болѣе побѣда колебалась между

превосходствомъ силъ и совершенствомъ искуства, между дерзостію и неустрашимостію, между отчаяніемъ и мужествомъ, между алчбою грабежа и любовію къ Отечеству, тѣмъ торжественнѣе увѣнчана правая сторона. Но какой опять мракъ послѣ толь свѣтлой для насъ зари! Многочисленная потеря закрыта неисчислимыми остатками; побѣдители утомлены побѣдою; и дерзость *врага Столицѣ* въ свою чреду могла величаться, естьли не покореніемъ Столицы, по крайней мѣрѣ вступленіемъ въ ея священныя стѣны, обнаженіемъ ея благолѣпія, уловленіемъ ея славнаго имени въ поруганіе.

Естьли взаимно сообразить нетерпѣливое стремленіе Наполеона въ Москву и его упорное въ ней медленіе вопреки самымъ страстямъ его: то могутъ открыться мысли, которыя имѣлъ онъ, вошедъ въ сію Столицу: „Теперь, думалъ онъ, я наступилъ на сердце „Россіи. Кто принудитъ меня обратить „вспять мою ногу? Бывъ отнюдь не такъ „силенъ, какъ нынѣ, я ступилъ въ Вѣну, и „раздавилъ Германію. Москва по крайней мѣрѣ „должна вмѣстѣ съ собою смирить предо „мною Россію.„

Вообразимъ же, что въ сію самую минуту, когда гордость и удача вдыхали утѣснителю Европы толь высокомѣрную надежду, явилась бы истинна, и произнесла бы надъ нимъ свой судъ: „ты не наступилъ на сердце Россіи, „но, преткнувшись, оперся на грудь ея; и „вскорѣ будешь отраженъ и низверженъ. Рос-„сія не будетъ унижена, но вознесется въ сла-„вѣ, доселѣ невидѣнной. Война, расположен-„ная по чертежу коварства и злобы, достиг-„ла своего предѣла: начинается брань Господ-„ня. Ты расхитилъ преданную въ руки твои „судьбою Столицу, но и будешь стрегомъ въ „ней, какъ уловленный хищникъ въ *темницѣ*: „а сіе возбудитъ рабовъ твоей великой *тем-„ницы* къ покушенію сокрушить свои оковы. „Поражаемый отвсюду, ты прибѣгнешь къ „обыкновенному твоему оружію лживаго язы-„ка: но принужденъ будешь дать твоей Им-„періи повелѣніе, чтобы она тебѣ вѣрила, то „есть признаться предъ цѣлымъ свѣтомъ, „что твоя Имперія тебѣ не вѣритъ. Ты по-„бѣжишь какъ тать изъ той земли, въ кото-„рую вторгнулся какъ разбойникъ; и въ толь „же краткое время, какъ ты пришелъ сюда, „тебя увидятъ въ заточеніи собственнаго „твоего дома, твои татьбины — въ рукахъ „законныхъ Владѣтелей, твою великую армію

„—въ плѣну, въ снѣгахъ и въ холмахъ могиль-„ныхъ.„ Кто могъ бы тогда отличить сіи вѣрныя прорицанія отъ суетныхъ прещеній? Кто узналъ бы голосъ истинны?

Но наконецъ истинна оправдана отъ сыновъ своихъ, и судьба Россіи отъ глубокаго мрака изведена, какъ полдень, путями Провидѣнія. Да возвѣстится истинна! Да благословится Провидѣніе!

Участь государствъ опредѣляется вѣчнымъ закономъ истинны, который положенъ въ основаніе ихъ бытія, и который, по мѣрѣ ихъ утвержденія на немъ, или уклоненія отъ него, изрекаетъ на нихъ судъ, приводимый потомъ въ исполненіе подъ всеобъемлющимъ судо-блюстительствомъ Провидѣнія.

Что есть государство? Нѣкоторый участокъ во всеобщемъ владычествѣ Вседержителя, отдѣленный по наружности, но невидимою властію сопряженный съ единствомъ всецѣлаго. И такъ чѣмъ постояннѣе оно удерживаетъ себя въ союзѣ верховнаго Правителя міра соблюденіемъ его закона, благочестіемъ и добродѣтелію: тѣмъ точнѣе входитъ во всеобщій порядокъ его правленія; тѣмъ несомнѣннѣе покровительствуется имъ; тѣмъ

обильнѣе пріемлетъ отъ него силы къ своему сохраненію и совершенствованію. Оставивъ Бога, оно можетъ быть на нѣкоторое время оставлено самому себѣ, по закону долготерпѣнія, или въ ожиданіи его исправленія, или въ орудіе наказанія для другихъ, или до исполненія мѣры его беззаконій: но вскорѣ поражается правосудіемъ, какъ возмутительная область Божіей державы.

Что есть государство?— Великое семейство человѣковъ, которое, по умноженіи своихъ членовъ и раздѣленіи родовъ, не могши быть управляемо, какъ въ началѣ, единымъ естественнымъ отцемъ, признаетъ надъ собою въ семъ качествѣ избраннаго Богомъ и закономъ Государя. И такъ чѣмъ искреннѣе подданные предаются отеческому о нихъ попеченію Государя, и съ сыновнею довѣренностію и послушаніемъ исполняютъ его волю; чѣмъ естественнѣе Государь, и поставляемые имъ подъ собою правители народа, по образу его, представляютъ собою отцевъ великаго, и въ великомъ, меньшихъ семействъ, украшая власть благотвореніемъ, растворяя правду милосердіемъ, простирая призрѣніе мудрости и благости отъ чертоговъ до хижинъ и темницъ: тѣмъ соединяющія правленіе съ подчиненіемъ

узы—неразрывнѣе, ревность ко благу общему—живѣе, дѣятельность—неутомимѣе, единодушіе—неразлучнѣе, крѣпость—непоборимѣе. Но когда члены общества связуются токмо страхомъ, и одушевляются токмо корыстію собственною; когда глава народа, презирая его, употребляетъ орудіемъ своего честолюбія и злобы: тогда есть покорные невольники, доколѣ есть крѣпкія оковы; есть служители кровопролитія, доколѣ есть надежда добычи, а при наступленіи общей опасности всѣ связи общества ослабѣваютъ, народъ безъ бодрости, престолъ безъ подпоры, Отечество сиротствуетъ.

Что есть государство?—Союзъ свободныхъ нравственныхъ существъ, соединившихся между собою съ пожертвованіемъ частію своей свободы, для охраненія и утвержденія общими силами закона нравственности, который составляетъ необходимость ихъ бытія. Законы гражданскіе суть не что иное, какъ примѣненныя къ особливымъ случаямъ истолкованія сего закона, и ограды поставленныя противъ его нарушенія. И такъ гдѣ священный законъ нравственности непоколебимо утвержденъ въ сердцахъ воспитаніемъ, вѣрою, здравымъ, неискаженнымъ ученіемъ, и уважаемыми примѣра-

ми предковъ: тамъ сохраняютъ вѣрность къ Отечеству и тогда, когда никто не стрежетъ ея, жертвуютъ ему собственностію и собою безъ побужденій воздаянія или славы; тамъ умираютъ за законы тогда, какъ не опасаются умереть отъ законовъ, и когда могли бы сохранить жизнь— ихъ нарушеніемъ. Естьли же законъ живущій въ сердцахъ изгоняется ложнымъ просвѣщеніемъ и необузданною чувственностію: нѣтъ жизни въ законахъ писанныхъ; повелѣнія не имѣютъ уваженія, исполненіе довѣрія: своеволіе идетъ рядомъ съ угнѣтеніемъ, и оба приближаютъ общество— къ паденію.

Приложимъ сіи всеобщія истинны къ настоящему положенію Отечества: онѣ покажутъ составъ и мѣру его величія.

Вѣруетъ Россійское Царство, что *владѣетъ Вышній царствомъ человѣческимъ* и, неотступно держась вѣрою и упованіемъ всемощнаго сего Владыки, отъ Него пріяло мощь, дабы, не колеблясь, удержать на раменахъ своихъ всю тяжесть своего бѣдствія, когда всѣми земными силами было или боримо или оставляемо. Когда правота и великодушіе упреждены были въ мѣрахъ безопасности вѣроломствомъ и нарушеніемъ народныхъ правъ: благочестивѣйшіи Мо-

нархъ не поколебался, но поручилъ свое дѣло Богу, и не сумнился въ народѣ своемъ. — Вѣрный народъ не поколебался, но ввѣрилъ судьбу свою Богу и Монарху. Продолженіе и возрастаніе общей опасности нигдѣ не могло быть примѣчено, развѣ при олтаряхъ, гдѣ моленія становились продолжительнѣе, возрастало число притекающихъ, отверзающіяся Господу сердца, уже не таясь собраній, изливались въ слезахъ умиленія, и гдѣ отходящіе на брань принимали послѣднее напутствіе. Когда противу чрезмѣрнаго числа вражескихъ полчищъ Правительство принуждено было поставить неискушенныхъ въ брани гражданъ: Вѣра запечатлѣла ихъ собственнымъ своимъ знаменіемъ; утвердила своимъ благословеніемъ: и сіи неопытные ратники подкрѣпили, обрадовали, удивили старыхъ воиновъ. А когда неистовыя скопища нечестивцевъ не оставили въ мирѣ и безоружную вѣру; когда, наипаче въ богатой древнимъ благочестіемъ Столицѣ, исполняли свои руки святотатствами, оскверняли храмы живаго Бога и ругались его святынѣ: усердіе къ вѣрѣ превращалось въ пламенную, неутолимую ревность наказать ея хулителей, и даже въ ободряющую надежду, что врагъ Божій недолго будетъ щастливымъ врагомъ нашимъ. Наконецъ съ того вре-

мени, какъ по исполненіи дней тяжкаго искушенія, Господь силъ увѣнчалъ насъ оружіемъ своего благоволенія, на необозримомъ поприщѣ, колико знаменитыхъ, толико же трудныхъ подвиговъ, не тѣмъ ли наипаче высокимъ чувствованіемъ одушевляется и укрѣпляется побѣдоносное воинство, что идетъ подъ невидимымъ предводительствомъ *Бога отмщеній?*

Крѣпкій союзъ любви между подданными и Государемъ, котораго пріобыкли они видѣть нѣжнымъ отцемъ своимъ, и мудрымъ неусыпнымъ промыслителемъ, есть другой источникъ силы, сохранившій невредимою цѣлость Государства противъ напряженнѣйшихъ усилій къ его потрясенію, и сообщившей благоустройство и живость его дѣйствіямъ во дни нестроенія. — Тогда, какъ уже врагъ нѣкоторыя области его занималъ, а многимъ угрожалъ, оно принуждено было только еще собирать новыя силы и пособія военныя. Какіяжъ необыкновенныя мѣры потребны были для того, чтобы сіе исполнено было и съ невозмущенною точностію, и съ неутомимою поспѣшностію, и съ удовлетвореніемъ необъятныхъ нуждъ и безъ опаснаго стѣсненія народа? — Одно слово Государя. Будучи увѣренъ въ чувствованіяхъ своего народа, онъ пригла-

силъ его ко всеобщему возстанію противу врага: и точно всѣ возстали. Каждый помѣстный владѣлецъ учреждалъ посильное войско для слиянія въ общую силу; множество свободныхъ рукъ оставляли вѣсы, перо и другія мирныя орудія, и простирались къ мечу; свободныя пожертвованія на потребности брани приносимы были не токмо свободными щедро, но и тѣми свободно, которые сами могли быть представлены другими въ пожертвованіе. Тѣ, которыхъ семейства были въ опасности, обращались отъ нихъ къ общей опасности; семейства менѣе, нежели обыкновенно, плакали, провождая новыхъ ратниковъ: забывали родство, помышляя объ Отечествѣ — Приверженность народа къ своему Правительству не ослабѣвала и тамъ, гдѣ затруднялись, или прерывались сношенія съ Правительствомъ. Можно сказать, что въ Москвѣ, въ самое время нещастнаго ея превращенія изъ Столицы Россійской въ ужасный станъ Французской, подданные Александра были вѣрнѣе своему Государю, нежели рабы Наполеона своему повелителю: ибо извѣстно, что своевольство Французскаго войска, еще болѣе пагубное для него самаго, нежели для опустошенной имъ Столицы, не могло быть укрощено ни присутствіемъ, ни повелѣніями, ни правосудіемъ,

ни самою жестокостію Наполеона; между тѣмъ какъ граждане Московскіе, сохраняя послушаніе къ единому законному Государю, по многократнымъ и ласковымъ и грознымъ требованіямъ, не хотѣли даже предстать иноплеменному властителю, рѣшась страдать и умирать, но убѣгать съ нимъ сообщенія, и оставляя его съ одними тѣлохранителями носиться по безлюднымъ путямъ округъ Кремля, какъ толпы привидѣній, около надгробныхъ памятниковъ.

Простыя, но чистыя и твердыя правила нравственности, преданныя отъ предковъ, и неослабленныя иноплеменными нововведеніями, поддерживали сію вѣрность къ своимъ обязанностямъ, среди опаснѣйшихъ соблазновъ и величайшихъ трудностей. Когда гласъ законовъ уже почти не слышенъ былъ среди шума браннаго; законъ внутренній говорилъ сердцу Россіянина столь же сильно и повелительно: „Не смущайся сомнѣніемъ и неизвѣстностію; „въ клятвѣ, которую ты далъ въ вѣрности „Царю и Отечеству, ты найдешь ключъ къ „мудрости разрѣшающей всѣ недоумѣнія. На„ходясь цѣлую жизнь подъ защитою законовъ „и Правительства, воспользуйся случаемъ „быть хотя единожды защитою законовъ и

„Правительства. Не страшись опасностей, „подвизаясь за правду: лучше умереть за нее, „нежели пережить ее. Искупя кровію для „потомковъ тѣ блага, которыя кровію купи- „ли для тебя предки. Уклонясь отъ смерти „за честь вѣры и за свободу Отечества, ты „умрешь преступникомъ или рабомъ: умри за „вѣру и Отечество— ты пріимешь жизнь и „вѣнецъ на небѣ.„ Вотъ правила, которыя Русскій народъ не столько умѣетъ изъяснять, сколько чувствовать, уважать, исполнять! Вотъ чудесное искусство быть непобѣдимымъ, собирающее войска безъ военачальниковъ, претворяющее цѣлыя селенія въ ополченія, ополчающее на брань слабыя руки женъ, побѣждающее побѣдителей! Вотъ истинно *свободная наука* необразованнаго по новѣйшимъ умозрѣніямъ народа, которою онъ обличилъ Западныхъ просвѣтителей въ буйномъ и рабскомъ невѣжествѣ, и которою теперь съ толикимъ успѣхомъ освобождаетъ отъ рабства пріемлющихъ его въ ней наставленія!

Но благочестивые, вѣрные и добродѣтельные сыны Россіи не почтутъ похищеніемъ славы своея и то, естьли она вознесется до престола Царя славы. Да будетъ наша слава въ томъ, что наша вѣра и правда привлекли на

насъ око Его благости: да воспишется Ему то, что Онъ сотворилъ нами. Свѣтъ видѣлъ, что мудрость, неусыпность и мужество управляли нашимъ дѣломъ: но какъ часто надъ ними видѣнъ былъ собственный перстъ Божій! Не Богъ ли, въ рукѣ котораго сердце Царево, внушилъ Царю въ самомъ началѣ брани сіе рѣшительное, даже прорицательное чувствованіе — *не полагать оружія, доколѣ ни единаго врага не останется во предѣлахъ Россіи*, — чувствованіе, которое всему народу вдохнуло столь же неколебимую рѣшимость? Не Богъ ли непостижимый въ путяхъ Своего промысла даровалъ Александру сіе чудное провидѣніе, что въ началѣ изшелъ вождь, который понесъ на главѣ своей неизбѣжныя непріятности, можно сказать новой для Россійскихъ воиновъ, войны оборонительной и отступательной и тяжесть народнаго мнѣнія; потомъ, когда надлежало измѣнить лице брани, явился другой, угтованный на спасеніе, прославленный многолѣтными подвигами, испрашиваемый желаніями народа — явился мужъ, который на безпокойнаго и недремлющаго врага навелъ долгую дремоту, доколѣ не обновилъ крѣпости утружденнаго нашего воинства, и доколѣ, во исполненіе числа сего воинства, не ополчилась съ нами вся природа? Не Господь ли

силъ въ одномъ и томъ же пути одну рать истреблялъ болѣзнями, хладомъ и гладомъ; а другой сблюлъ крѣпость, вложилъ огнь, и далъ крила?— *Благословенъ Богъ воинствъ!*

Нынѣ заблуждающіе народы, познайте пути, къ попрянному вами, и тщетно въ суетныхъ мечтаніяхъ искомому благоденствію! Бичь Божій поражаетъ Европу такъ, что его удары раздаются во всѣхъ концахъ вселенныя. Услышите гласъ наказующаго, и обратитеся къ нему, дабы онъ былъ и вашимъ Спасителемъ.

Нынѣ, благословенная Богомъ Россія, познай твое величіе, и не воздремли, сохраняя основанія, на которыхъ оно воздвигнуто!

А ты, который не токмо трудности въ дѣлѣ брани Господней ввѣряешь Господу, но ему же кроткою благодарностію возвращаешь и дарованныя тебѣ побѣды! Ты, который твердостію въ правдѣ спасъ твою державу, и благостію въ могуществѣ спасаешь царства другихъ! *возвеселися его силою, и о спасеніи его возрадуйся!*— Мы вѣримъ и чаемъ, что и паки, когда жребій брани пріидетъ предъ лице Его, *помянетъ Онъ всю кротость твою*, и еще *дастъ тебѣ хотѣніе сердца твоего.* — — —

Но куда дерзаютъ мои мысли? —

Вы видите, почтенный руководитель мой, какъ далеко увлекаетъ меня испрошенный у васъ духъ патріотическаго мечтанія. Время успокоить его, и вввърить вамъ сіи безпорядочныя строки. Естьли кто изъ строгихъ судителей въ вашей храминѣ услышитъ ихъ чтеніе; пусть услышитъ онъ и сіе: — въ тѣ дни, когда и слабый полъ побораетъ брани Отечества; и когда военачальники, въ повѣствованіи о бранѣхъ, болѣе проповѣдуютъ о Богѣ, нежели многіе учители осьмагонадесять вѣка проповѣдали во храмахъ; — человѣкъ не видѣвшій брани, думалъ, что ему позволительно въ уединеніи мечтать о земной и небесной судьбѣ браней.

Архимандритъ Филаретъ.

ОТРЫВКИ

ИЗЪ

ИФИГИНІИ

Трагедіи Расина.

Переводъ Г-на Лобанова.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

АГАМЕМНОНЪ, АРКАСЪ.

АГАМЕМНОНЪ

Твой Царь Агамемнонъ къ тебѣ, Аркасъ, взываетъ,
Возстань, познай сей гласъ, что слухъ твой поражаетъ.

АРКАСЪ

Се ты, о Государь! Тебяль такъ рано зрю,
Предупредившаго багряную зарю?
Едва лучъ утренній намъ свѣтитъ въ мракахъ ночи,
Въ Авлидѣ лишь одни отверсты наши очи.
Или дремавшій понтъ колеблютъ небеса?
Или желанный вѣтръ взвѣваетъ паруса?
Но все въ глубокомъ снѣ и вѣтръ и понтъ и волны.

АГАМЕМНОНЪ

Щасливъ судьбой своей смиренною довольный,
Кто не влачитъ, какъ я, величества оковъ
И скрытъ въ безвѣстности щедротою боговъ.

АРКАСЪ

Давно ли, Государь, ты ропщешь на судьбину?
Осыпанъ почестьми, имѣешь ли причину
Неправой жалобой безсмертныхъ раздражать?
Ихъ щедростью даровъ, величіемъ скучать?
Атрея мощный сынъ, отецъ, супругъ щастливый,
Изъ всѣхъ Еллады странъ твои тучнѣйши нивы.

Божественна въ тебѣ течетъ Зевеса кровь,
Ты бракомъ утвердилъ союзъ съ богами вновь.
И юный сей Ахиллъ, кумиръ всѣхъ прорицаній,
Ахиллъ, кому дана необоримость въ брани,
Дщерь возлюбивъ твою, спѣшитъ подъ Трою течь,
Чтобъ брачный пламенникъ въ стѣнахъ ея возжечь.
Всѣ титла пышныя, всѣ почести надмѣнны,
Бреговъ сихъ съ зрѣлищемъ быть могутъ ли сравненны?
Сихъ тысячи судовъ и двадцать вождей въ нихъ,
Лишь вѣтра ждутъ, чтобъ течь велѣній въ слѣдъ твоихъ.
Едина тишина къ побѣдамъ намъ преграда:
Уже три мѣсяца, какъ стѣнъ Троянска града
Прикованный борей претитъ гордыню стерть.
Но въ славѣ и въ вѣнцѣ равно разитъ насъ смерть.
Въ теченье дней твоихъ, судьбой, всегда премѣнной,
Удѣлъ тебѣ не данъ отъ скорбей свобожденной,
И ты . . . но въ свиткѣ семъ чѣмъ угрожаетъ рокъ
И изъ очей твоихъ слезъ исторгаетъ токъ?
Орестъ ли жизнь свою въ младенчествѣ кончаетъ:
Супруга ли твоя, иль дщерь ихъ извлекаетъ?
Что въ немъ начертано, дерзну ли вопросить?

АГАМЕМНОНЪ

Нѣтъ, нѣтъ, ты не умрешь, сего не можетъ быть.

АРКАСЪ

Что рекъ ты, Государь?

АГАМЕМНОНЪ

Ты зришь мое смущенье,
Познай вину его, познай мое крушенье:

Аркасъ, ты помнишь день, когда попутный валъ
Въ стихію грозну насъ, казалось, призывалъ.
Кликъ воевъ радостныхъ, геройскимъ полнымъ жаромъ,
Пергаму угрожалъ рушеньемъ и пожаромъ.
Явленье дивное прервало сей восторгъ;
Еще изъ пристани насъ вѣтеръ не изторгъ,
Мы стали у бреговъ; и весла безполезны
Напрасно пѣнили недвижны моря бездны.
Симъ чудомъ пораженъ, спѣшу Діаны въ храмъ,
Гдѣ смертные сихъ странъ курятъ ей фиміамъ;
Тамъ, съ мудрымъ Несторомъ, Улиссомъ, Менелаемъ,
Приносимъ жертву ей, на милость преклоняемъ,
Но что намъ прорекла! содрогся я, Аркасъ,
Когда сіи слова намъ возвѣстилъ Калхасъ:
,,Вотще вы на Троянъ, о Греки, ополченны,
,,И тщетною вы къ нимъ пылаете враждой,
,,Доколь Царевны кровь отъ племени Елены
,,Діанинъ жертвенникъ не обагритъ святой.
,,Коль гнѣвно божество вы ублажить хотите,
,,Здѣсь Ифигенію на жертву принесите.,,

АРКАСЪ

О небо! дочь твою?

АГАМЕМНОНЪ

Симъ гласомъ пораженъ,
Хладъ въ сердцѣ ощутивъ, безчувственъ, омраченъ,
Безмолвенъ пребылъ я; но горькое рыданье
Прервало мертвое нещастнаго молчанье.
Виня свирѣпый рокъ и сихъ не внемля словъ,
Клялся у олтаря преслушаться боговъ.
Почто душевному не слѣдовалъ движенью!
Я войску повелѣлъ собраться къ возвращенью.

Улиссъ, казалось мнѣ, мою одобрилъ рѣчь;
Но первымъ токамъ слезъ свободу давъ протечь,
И краснорѣчіемъ обычнымъ ухищренный,
Представилъ славу мнѣ, отчизну, долгъ священный,
Народъ, Царей, мнѣ власть вручившихъ надъ собой
И Грекамъ Азію обѣщанну судьбой.
Ты ль, рекъ онъ, постыдивъ для дщери Грековъ силы,
Безславный Царь прейдешь со срамомъ въ мракъ могилы?
Съ стыдомъ я признаюсь, сей славой ослѣпленъ,
И сана своего величьемъ упоенъ,
Названіемъ Царя Царей я возгордился
И огнь тщеславія въ душѣ моей разлился.
Безсмертны кажду ночь, къ усугубленью бѣдъ,
Коль легкій сонъ на мигъ мой плачъ и стонъ прерветъ,
Отмщая олтари, велѣнья ихъ презрѣнны,
Являлись гнѣвны мнѣ, на кару ополченны,
И громомъ мстительнымъ вращая надъ главой,
Грозили нанести ударъ мнѣ роковой.
Я уступилъ богамъ Улиссомъ побѣжденный
И дщери смерть изрекъ слезами орошенный.
Но какъ склонить на то недремлющую мать?
Къ какому вымыслу былъ долженъ прибѣгать!
Царевной страстнаго отъ имени Ахилла,
Я въ Аргосъ подалъ вѣсть, чтобъ дочь сюда спѣшила,
Что местію къ врагамъ сей грозный вождь горя,
Несетъ къ нимъ пламенникъ отъ брачна олтаря.

АРКАСЪ

И не страшишься ты строптиваго Ахилла?
Берегись, чтобъ вѣсть сія его не возбудила

Отмстить за честь свою, поруганну любовь.
Или допустить онъ возлюбленной лить кровь?
И гнѣвомъ праведнымъ за умыслъ возпаленный . . .

АГАМЕМНОНЪ

Онъ не былъ здѣсь. Пелеи, отецъ его, смятенный
Набѣгомъ страшныхъ силъ сосѣдственныхъ враговъ,
Ты помнишь, отозвалъ его отъ сихъ бреговъ.
Сей трудною войной, Аркасъ, вождей по мнѣнью,
Онъ былъ лишенъ надеждъ къ поспѣшну возвращенью.
Но бурный токъ какихъ преградъ не разорветъ?
Ахиллъ на брань летитъ и лавръ побѣдный жнетъ!
И юный сей герой предшествуемъ молвою
Вчера въ нашъ прибылъ станъ съ вечернею зарею.
. . . .

ЯВЛЕНІЕ 2.

АГАМЕМНОНЪ, АХИЛЛЪ, УЛИССЪ.

АГАМЕМНОНЪ

Какъ, Государь, войны успѣхъ невѣроятный
Возвратъ твой ускорилъ во станъ Авлиды ратный?
Се опытъ доблести Ахилла юныхъ лѣтъ;
Какихъ твой лавровъ мечъ на браняхъ не пожнетъ?
И всей Ѳессаліи кичливость укрощенна,
И Лесбоса страна оружью покоренна,
Прославилибъ на вѣкъ вождя инаго дни;
Ахиллужъ праздному— забавы то одни.

АХИЛЛЪ

Не чти сихъ слабыхъ дѣлъ, Атридъ, хвалой столь лестной:
О естьлибъ укротясь ко Грекамъ гнѣвъ небесный,
На славно поприще пути имъ разрѣшилъ,
Тогда бы сей хвалы достоенъ былъ Ахиллъ.
Но вѣрить ли молвѣ, носящейся по граду,
Ліющей въ душу мнѣ сладчайшую отраду,
Любви моей предметъ въ Авлидѣ ли найду?
И скороль щастіемъ всѣхъ смертныхъ превзойду?
Гласятъ, что дочь твоя во станъ сей привезенна
Съ Ахилломъ будетъ въ немъ союзомъ сопряженна?

АГАМЕМНОНЪ

Какъ! Ифигенія! но кто разнесъ сей слухъ?

АХИЛЛЪ

Должно ли, Государь, смущать сіе твой духъ?

АГАМЕМНОНЪ (къ Улиссу)

Иль знаетъ онъ мое, о небо, ухищренье?

УЛИССЪ

Правдиво, Государь, Атрида изумленье;
О бѣдствахъ Грековъ ты, Ахиллъ, не помышлялъ.
Какіе дни, увы! для брака ты избралъ?
Тогда, какъ кораблямъ пучина затворенна,
Воители, вожди, вся Греція смятенна;
Тогда, какъ чтобъ смягчить разгнѣванныхъ боговъ,
Намъ должно кровь пролить, священнѣйшую кровь,
Ахиллъ, одинъ Ахиллъ любви своей послушенъ,
И хочетъ, къ общему унынью равнодушенъ,
Чтобъ вождь Царей презрѣвъ гласъ грозный божества
Уготовлялъ пиры для брачна торжества.

Ахъ! такъ ли, Государь, зря Грековъ участь слезну,
Болѣешь ты о нихъ, чтишь родину любезну?

АХИЛЛЪ

Дѣла докажутъ то средь Фригіи полей,
Кто болѣ чтитъ ее, Ахиллъ, иль Одиссей.
Дотолѣ можешь ты являть свое къ ней рвенье
И возсылать къ богамъ усердное моленье.
Стремися кровью жертвъ ихъ храмы обагрять
И изъ утробъ тельцовъ свои рокъ предузнавать;
Безвѣтрія вину познай отъ ихъ ты гласа;
Но я заботу всю взложивши на Калхаса,
Да поспѣшу отсель, чтобъ бракъ свой ускорить,
Которымъ я не мню безсмертныхъ раздражить.
Сей грозенъ бранный жаръ, которымъ пламенѣю,
И въ сей обратно станъ притти не укоснѣю.
Я горькобъ возскорбѣлъ, когдабъ кто упредилъ
И на Троянскій брегъ первѣй меня ступилъ.

АГАМЕМНОНЪ

Почто, героямъ симъ, о гнѣвныя судьбины,
Вы преградили путь въ Фригійскія долины?
На толь отважность въ нихъ и рвенье зрѣлъ на бой,
Чтобъ возвратиться вспять съ болѣзненной душой?

УЛИССЪ

Что слышу я!

АХИЛЛЪ

Что рекъ? могуль не изумиться!

АГАМЕМНОНЪ

Что надлежитъ, Цари, намъ въ домы возвратиться;
Что мы обманчивой надеждой прельщены,
Напрасно вѣтровъ ждемъ, мечтой ослѣплены.

Самъ Дій хранитъ Троянъ, и грозны предреченья
Претятъ стремиться намъ въ слѣдъ праведнаго
мщенья.

АХИЛЛЪ

Какоюжъ гнѣвъ небесъ грозитъ бѣдою намъ?

АГАМЕМНОНЪ

Объ участи своей ты вопроси ихъ самъ?
Мы знаемъ, что боговъ верховное рѣшенье
Спрягло съ твоей главой Пергама разрушенье;
Но знаемъ мы и то, что громкихъ дѣлъ цѣной
Ихъ судъ назначилъ тамъ предѣлъ твой гробовой,
Что индѣ жизнь твоя и долга и блаженна,
Увянетъ въ цвѣтѣ лѣтъ подъ Троей пресѣченна.

АХИЛЛЪ

И такъ не трепетныхъ Царей притекшій сонмъ
Отыдетъ въ родину на вѣкъ покрытъ стыдомъ,
И дерзостный Парисъ, страсть буйную питая,
Удержитъ, намъ въ позоръ, супругу Менелая?

АГАМЕМНОНЪ

Иль мало жаждущій насъ упреждать Ахиллъ
За оскорбленную честь Грековъ отомстилъ?
Несчастьемъ Лесбоса, тобою расхищенна,
Егейска шумна зыбь донынѣ изумленна.
Пергамъ зрѣлъ зарево пылавшихъ въ немъ домовъ
И трупы вѣтрами несомы средь валовъ.
Елена новая Фригіянъ слезъ виною,
Что въ Аргосъ плѣнницей отослана тобою.
Вотще, Ахиллъ, она вотще свой родъ таитъ,
Сей тайнѣ измѣнилъ ея надмѣнный видъ;
Молчанье самое и каждое движенье,
Являютъ намъ ея высокое рожденье.

АХИЛЛЪ

Нѣтъ, нѣтъ, не внемлю я хитросплетенныхъ словъ
И не хочу вникать во таинства боговъ.
Какъ! мнѣ угрозъ твоихъ напрасныхъ содрогаться
И славы въ слѣдъ за мной парящей устраняться?
Такъ, матери моей то Парка предрекла,
Какъ смертнаго она на ложе возвела:
Что властенъ я избрать, иль много лѣтъ безславныхъ,
Иль мало дней, хвалой безсмертія вѣнчанныхъ;
Но естьли положенъ предѣлъ мнѣ гробовой,
Мнѣ ль безполезною земли бывъ тяготой,
И кровью дорожа богинею вліянной,
Въ дому родительскомъ ждать старости безславной?
Отъ славы уклонясь, въ потомствѣ не гремѣть,
Ничтожну жизнь влачить и вовсе умереть?
Престанемъ вымышлять препятства невозможны;
Коль честь зоветъ, — се нашъ оракулъ непреложный!
Всесильна власть боговъ, жизнь смертныхъ въ волѣ ихъ,
Но слава, Государь, у насъ въ рукахъ самихъ.
Завѣтъ ихъ проницать труды оставивъ тщетны,
Потщимся, какъ они, содѣлаться безсмертны!
И вѣряся судьбамъ, туда мы полетимъ,
Гдѣ славныя дѣла насъ уподобятъ имъ.
Подъ Трою я иду, и чтобъ ни предрекали;
О томъ молю боговъ, чтобъ вѣтръ попутный дали.
И коль мнѣ одному градъ должно осаждать,
Съ Патрокломъ я одинъ иду за васъ отмщать.
Но нѣтъ; судьба Троянъ тебѣ, Атридъ, вручена;
Мнѣ власть верховная Царя Царей священна.

Не требую, чтобъ ты хвалилъ мою любовь,
Могущую отвлечь меня отъ сихъ бреговъ!
Онажъ Атридовы чтя подвиги геройски,
Велитъ мнѣ ободрить своимъ примѣромъ войски;
Отъ гибельныхъ тебя совѣтовъ удержать,
Что робкія сердца дерзаютъ подавать.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ 4е.

АГАМЕМНОНЪ, КЛИТЕМНЕСТРА, ИФИГЕНІЯ.

АГАМЕМНОНЪ

Что зрю! Что слышу я! . . . .
Но что! здѣсь стонъ и плачь! здѣсь горести обитель,
Аркасъ, нещастный, ты мнѣ измѣнилъ.

ИФИГЕНІЯ

Родитель!
Престань тревожиться и не страшись измѣнъ;
До гроба голосъ твой пребудетъ мнѣ священъ,
Ты жизнь мнѣ даровалъ, прими ее обратно:
Покорною тебѣ мнѣ умереть пріятно!
И окомъ радостнымъ и кроткою душой,
(Какъ приняла я бракъ назначенный тобой,)
Смиренной жертвою, блажа свою судьбину,
Коль должно, преклоню подъ мечь главу невинну,
И въ гибели своей я волю чтя твою,
Тобою мнѣ данную твоѣ же кровь пролью.

Но коль любовь сія, сей знакъ повиновенья,
Достойны, Государь, инаго награжденья;
Коль трогаетъ тебя плачъ матери моей;
Дерзну сказать тебѣ, что жизнію своей
Въ толь чистыхъ радостяхъ могла я наслаждаться;
Что не желала бы съ сей жизнію растаться;
Но, чтобъ отъявъ ее, ко мнѣ свирѣпый рокъ,
На утрѣ дней моихъ прервалъ ихъ свѣтлый токъ.
Я первая къ тебѣ, родитель мой, взывала,
Симъ сладкимъ именемъ я первая ласкала.
Ты радостью меня и даромъ чтя небесъ,
Благодарилъ боговъ потокомъ сладкихъ слезъ.
Ты, столько разъ ко мнѣ лобзанья расточая,
Чтилъ крови слабости ко персямъ прижимая.
Увы! съ восторгомъ я твердила имена
Земель, которымъ мощь Царя Царей страшна,
И жребій предвѣстивъ Пергамлянъ многобѣдный,
Уже готовила я пиръ тебѣ побѣдный.
Но чтобъ начать его, ждала ль моя любовь,
Что долженъ ты пролить мою всѣхъ прежде кровь.
Не страхомъ движима, боговъ мнѣ смерть изрекшихъ,
Напомнила тебѣ о благостяхъ протекшихъ;
Нѣтъ, славой дорожа побѣднаго вѣнца,
Не постыжу въ тебѣ толь нѣжнаго отца,
И естьлибъ я одной собою дорожила,
Толь память сладкую я въ сердцѣ бъ заключила;
Но съ участью моей, съ блаженствомъ дней моихъ,
Спрягали счастіе и матерь и женихъ.
Тебя достойный Царь благословлялъ день жданный,
Что освѣтилъ бы бракъ толико имъ желанный;
Уже любимый мной онъ жребій свой блажилъ,
Ты самъ къ любви его, ты самъ благоволилъ.

Онъ знаетъ мой удѣлъ, суди же какъ страдаетъ:
Мать предъ лицемъ твоимъ, ты зришь, она рыдаетъ:
Прости, что душу я осмѣлилась излить,
Чтобъ скорбь ихъ обо мнѣ и слезы упредить.

БАСНИ.

I

Волкъ и Кукушка.

Прощай сосѣдка! Волкъ Кукушкѣ говорилъ:
Напрасно я себѣ покоемъ здѣсь манилъ;
Все тѣжъ у васъ и люди и собаки:
Одинъ другова злѣи, и ты хоть ангелъ будь,
Такъ не минуешь съ ними драки.—
А далеко ль сосѣду путь?
И гдѣ такой народъ благочестивой,
Съ которымъ думаешь ты жить въ ладу?—
О! я прямехонько иду
Въ лѣса Аркадіи щастливой.
Сосѣдка! то-то сторона!
Тамъ, говорятъ, не знаютъ, что война,
Какъ агнцы кротки человѣки.
И молокомъ текутъ лишь рѣки;
Ну словомъ царствуютъ златыя времена.
Какъ братья всѣ другъ съ другомъ поступаютъ
И даже, говорятъ, собаки тамъ не лаютъ,
Не только не кусаютъ.
Скажижъ сама голубка мнѣ.
Не милоль, даже и во снѣ,
Себя въ краю такомъ увидѣть тихомъ?
Прости, не поминай насъ лихомъ.
Ужъ то-то тамъ мы заживемъ,
Въ тиши, въ довольствѣ, въ нѣгѣ;
Не такъ, какъ здѣсь: ходи съ оглядкой днемъ
И не засни спокойно на ночлегѣ.

Щастливой путь, сосѣдъ мой дорогой!
Кукушка говоритъ, а свой ты нравъ и зубы
Здѣсь кинешь, иль возмешь съ собой?
Ужъ кинуть, вздоръ какой! —
Такъ вспомни же меня, что быть тебѣ безъ шубы.

Чѣмъ нравомъ кто дурнѣй,
Тѣмъ болѣе кричитъ и ропщетъ на людей:
Не видитъ добрыхъ онъ, куда ни обернется;
А первой самъ ни съ кѣмъ не уживется.

II.

Заяцъ на ловлѣ.

Большой собравшися гурьбой
Медвѣдя звѣри изловили,
На чистомъ полѣ задавили
И дѣлятъ межъ собой,
Кто что себѣ достанетъ.
А заяцъ за ушко медвѣжье тутъже тянетъ.
Ба! ты косой,
Кричатъ ему, пожаловалъ откolѣ?
Тебя никто на ловлѣ не видалъ.
Вотъ братцы! заяцъ отвѣчалъ,
Да изъ лѣсу-то ктожъ? все я его пугалъ,
И къ вамъ поставилъ прямо въ полѣ
Сердечнаго дружка.

Такое хвастовство хоть съ лишкомъ было явно,
Но показалось такъ забавно,
Что зайцу данъ клочокъ медвѣжьяго ушка.

Надъ хвастунами хоть смѣются,
А часто въ дѣлежѣ имъ доли достаются.

Иванъ Крыловъ.

Письмо къ Николаю Ивановичу Гнѣдичу о Греческомъ экзаметрѣ.

Милостивый Государь мой Н. И!

Истинное удовольствіе, съ какимъ я читалъ переводъ вашъ нѣкоторыхъ *Омеровыхъ* (*) пѣсней, побуждаетъ меня сообщить вамъ нѣсколько примѣчаній о нашемъ стопосложеніи, и особенно въ отношеніи къ древнимъ языкамъ.

Отдаленные отрывки нашей отечественной Поезіи доказываютъ, что нашъ языкъ вмѣщаетъ всѣ оттѣнки *Систематической прозодіи*. Первые памятники нашего стихотворенія представляютъ особенный характеръ, основанный на весьма опредѣленномъ произношеніи *долгихъ* и *краткихъ* слоговъ. Сіе стопосложеніе тѣмъ болѣе соглашается

(*) Извините, что я пишу Омеръ, а не Омиръ. Нельзя мнѣ рѣшиться изуродовать столь почтенное имя.

съ Геніемъ нашего языка, что мы находимъ и донынѣ въ немъ большую наклонность къ *напѣву* и къ *музыкѣ*; но вмѣсто того, чтобъ сему слѣдовать и постепенно усовершенствовать Рускую прозодію, первые и лучшіе стихотворцы отступили вовсе отъ сего правила. Исторія нашей Поезіи доказываетъ намъ то слѣпое подражаніе, съ какимъ мы приняли не только иноземныя *идеи*, но даже иноземныя *формы*; предразсудокъ въ пользу Французскихъ писателей былъ такъ силенъ, что славный Ломоносовъ, который далъ истинное бытіе нашей Поэзіи, слѣдовалъ самъ общему примѣру. Онъ сталъ подражать Французамъ и писать *Эпопею* Александрійскими стихами; между тѣмъ какъ самъ же почиталъ за наилучшую и великолѣпнѣйшую форму стиховъ Экзаметръ, изъ анапестовъ и хореевъ состоящій; а также изъ хореевъ и дактилей, какъ способнѣйшій къ изображенію сильныхъ и слабыхъ, скорыхъ и тихихъ дѣйствій, которымъ составилъ и примѣръ въ письмѣ своемъ о правилахъ Россійскаго стихотворства (*); однакожъ онъ

(*) Полное собраніе соч. М. В. Ломоносова въ 3. 1744 года части 1 й стран. 19.

былъ увлеченъ общимъ предубѣжденіемъ, и эпоха сія рѣшила судьбу Руской Поэзіи. Съ тѣхъ поръ подражаніе иноземному овладѣло всѣми родами словесности. Прежде, нежели образовался нашъ Театръ, стали мы наблюдать строго всѣ правила Французскаго Театра; у *Малебра* и *Руссо* заимствовали мы размѣръ Французскихъ одъ! и сей родъ стихотворенія, не имѣющій никакого сношенія съ древнею Лирическою Поэзіею, такъ быстро распространился между нами, что мы въ числѣ *Одъ* не уступаемъ конечно числу Италіянскихъ *Сонетовъ*.

Но это не входитъ въ предметъ моего письма; обратимся къ вліянію древней Поезіи на нашу словесность.

Сіе вліяніе было по нещастію весьма маловажно. О выгодахъ, или лучше сказать о необходимости знанія классическихъ языковъ не нужно и упоминать. Два только способа существуютъ для распространенія сего знанія: первый, правильное изученіе древнихъ языковъ; второй, хорошіе переводы лучшихъ подлинниковъ. Никакой переводъ не можетъ конечно сравниться съ под-

линникомъ. Лучшій изъ оныхъ будетъ всегда, по свойству языковъ, несовершенный отголосокъ оригинала; особливо когда мы сравниваемъ скудость нашихъ новѣйшихъ нарѣчій съ неисчерпаемымъ богатствомъ классическихъ языковъ, изъ коихъ Греческій есть безъ сомнѣнія совершеннѣйшее произведеніе ума человѣческаго. Какой же языкъ былъ обработанъ, усовершенствованъ *такими* писателями, какъ *Еллинскій*?

Одна изъ величайшихъ красотъ Греческой Поэзіи есть богатое и систематическое ея стопосложеніе. Тутъ каждой родъ Поэзіи имѣетъ свой *размѣръ*; и каждой размѣръ не только свои законы и правила; но такъ сказать, свой Геній и свой языкъ. Экзаметръ, (шести-стопной героической стихъ) предоставленъ Эпопеи. Сей размѣръ весьма способенъ къ сему роду Поэзіи. При величайшей ясности, онъ имѣетъ удивительное изобиліе въ оборотахъ, важную и плѣнительную Гармонію. Экзаметръ даетъ совершенное понятіе о выраженіи Горація: „*loqui ore rotundo*. (*). Всѣ эпическія

(*) Т. е. говорить полными устами.

поемы писаны симъ размѣромъ. Я не буду разбирать всѣхъ измѣненій онаго со времень Омера до послѣднихъ Эпическихъ Пiитовъ, которые замѣнили истинный Генiй Поэзiи искуствомъ стопосложенiя и большею метрическою тонкостiю. Это увлекло бы меня слишкомъ далеко.

И такъ, возвращаясь къ моему предмету, скажу только, что Экзаметръ былъ во всей древности *языкомъ Эпопеи*. Когда же Римляне захотѣли образовать свой жесткой и Греческому Генiю противный языкъ, то они употребили первое старанiе на изобрѣтенiе метрическихъ формъ. Римляне заимствовали всѣ оныя у Грековъ по тому, что они ихъ признавали совершеннѣйшими и что Латинскiй языкъ былъ весьма мало свойственъ для Поэзiи. Всѣ знатоки согласны въ томъ, что Латинской Поэзiи удалось присвоить себѣ *Экзаметръ*, лучше всѣхъ другихъ частей Метрической системы Грековъ. Никогда Римляне не рѣшались писать Эпопею иначе, какъ Экзаметромъ.

Когда послѣ мрачныхъ столѣтiй лучъ наукъ и художествъ возникъ опять въ Ита-

ліи, то страсть къ древности овладѣла всею Европою. Но тогда направленіе умовъ особенно стремилось къ тому, чтобы вникнуть въ духъ древности. И въ то время мало переводили древнихъ писателей на новыя нарѣчія, или отъ того, что страсть къ древности походила тогда на какое-то слѣпое изступленіе, или отъ того, что Греческій и Латинскій языки всѣмъ столько извѣстны были, что почти никто не нуждался въ переводахъ.

Начиная съ того времени, каждый Европейскій народъ образовалъ свою словесность, и каждая изъ нихъ имѣетъ свой характеръ. Поезія отличалась вездѣ вновь изобрѣтенными, такъ сказать, *природными* тѣмъ языкамъ формами. Италія, Испанія, Португалія, Франція, и наконецъ Англія и Германія вступили въ поприщѣ словесности. Каждая достигла своею дорогою до степени образованія и украсилась многими знаменитыми творѣніями.

Исторія Французской словесности всѣмъ извѣстна. Я не буду разсматривать

средствъ, которыми она возвысилась на первое мѣсто въ ученомъ свѣтѣ. Когда Французы начали писать правильно, переводить древнихъ и подражать имъ, то они были принуждены сдѣлать себѣ особую *систему стопосложенія*. Языкъ ихъ при всемъ его достоинствѣ и красотѣ, былъ весьма неспособенъ къ Поезіи. Хотя и въ прочихъ новѣйшихъ языкахъ метрическія правила древней Поезіи были замѣнены другими новыми формами; хотя *рифма* овладѣла уже и другими нарѣчіями, однакожъ Французской языкъ болѣе всѣхъ нуждался въ такой метрической системѣ, въ которой число слоговъ могло бы замѣнить расположеніе ихъ; и гдѣ Механизмъ стопосложенія былъ бы довольно пріятенъ, чтобъ пріучить ухо къ вѣчной монотоніи полустишія и рифмы. Такимъ образомъ изобрѣли Французы *Александрійскій стихъ*, какъ самый способный по неимѣнію во Французскомъ языкѣ прозодіи, и самый согласный съ правилами Поезіи. Говорятъ, что уже въ XII столѣтіи написана была Французская поема, подъ заглавіемъ Алек-

сандръ Великій; и что отъ того и произошло названіе Александрійскаго стиха.

Александрійскій стихъ, по истинѣ весьма недостаточенъ; не только монотонія его тягостна слуху, но онъ своею сухостію, краткостію и невольнымъ удареніемъ на полустишіе, заслужилъ хулу самихъ Французовъ. Волтеръ, которой безъ сомнѣнія зналъ всѣ выгоды и всѣ недостатки природнаго своего языка, обращаясь къ Китайскому Государю, говоритъ:

Ton peuple est-il soumis à cette loi si dure
Qui veut qu'avec six pieds d'une égale mésure,
De deux Alexandrins côte à côte marchans
L'un serve pour la rime et l'autre pour le sens;
Si bien que sans rien perdre en bravant cet usage
On pourrait rétrancher la moitié d'un ouvrage.

Epître au Roi de la Chine. (*)

(*) Переводъ. Твой народъ порабощенъ ли тому жестокому закону, который требуетъ, чтобъ съ шестью стопами равной мѣры, изъ двухъ Александрійскихъ стиховъ, рядомъ чинно выступающихъ, одинъ служилъ для рифмы, а другой для смысла такъ, что естьлибъ сему обряду и не слѣдовать, то можно половину сочиненія убавить, ничего въ смыслѣ онаго не потерявъ.

Здѣсь Волтеръ шутитъ; — но въ сей шуткѣ видно его мнѣніе, и мнѣніе знатока. Вмѣсто того, чтобъ приводить еще другіе доводы противъ Александрійскаго стиха, я спрошу: кто, даже между Французами, могъ безъ утомленія читать *Генріаду*? И не происходитъ ли это единственно отъ размѣра стиховъ, которыми она писана?

Прилично ли намъ Рускимъ, имѣющимъ къ щастію, изобильной, метрической, прозодіею наполненной языкъ, слѣдовать столь слѣпому предразсудку? — Прилично ли намъ, имѣющимъ въ языкѣ сіи превосходныя качества, заимствовать у иноземцовъ бѣднѣйшую часть языка ихъ, прозодію, совершенно намъ несвойственную?

Отдавая всю должную справедливость Поэзіи другихъ народовъ, и читая съ восхищеніемъ: Расина, Гете и Мильтона, каждаго на своемъ языкѣ, должно однакожъ согласиться, что когда идетъ дѣло о правилахъ вкуса въ стихосложеніи, то они должны непоколебимо слѣдовать свойству того языка, для котораго они составляются.

И потому каждый народъ, каждый языкъ, имѣющій *свою* словесность, долженъ имѣть *свою* собственную систему стопосложенія, происходящую изъ самаго состава языка и образа мыслей. Возможно ли узнать Экзаметръ Омера, когда сжавши его въ Александрійскій стихъ, и оставляя одну мысль, вы отбрасываете размѣръ, оборотъ, расположеніе словъ, эпитеты, однимъ словомъ все, что составляетъ красоту подлинника? Когда, вмѣсто плавнаго, величественнаго Экзаметра, я слышу скудной и сухой Александрійской стихъ, рифмою прикрашенной, то мнѣ кажется, что я вижу божественнаго Ахиллеса во Французскомъ платьѣ?

Нѣтъ М. Г. м. хотя предразсудокъ, слабость, вліяніе Французской словесности увлекали насъ до сихъ поръ и отклоняли отъ истиннаго пути: но если мы хотимъ возвысить достоинство нашего языка; если мы хотимъ достигнуть до того, чтобъ имѣть словесность *народную*, намъ истинно свойственную, то перестанемъ эпопею писать, или переводить Алексан-

дрійскими стихами; перестанемъ отягощать младенчество нашей словесности тяжелыми цѣпями Французскаго вкуса. Еслиже мы не возвратимся къ истинному характеру нашего языка; если не сдѣлаемъ метрическую систему, на самомъ геніи языка основанную; если мы не будемъ имѣть способа воскресить *прозодію* древняго нашего стихотворства, то безъ сомнѣнія опасаться должно, что въ весьма короткомъ времени наша Поезія будетъ походить на младенца, носящаго всѣ признаки дряхлости, или на увядшаго юношу.

Вамъ предстоитъ М. Г. м. сильно содѣйствовать къ сей щастливой перемѣнѣ въ нашей словесности. Одинъ изъ лучшихъ способовъ къ достиженію оной цѣли есть *знакомство съ древними.* Если Нѣмцы, владѣя языкомъ весьма непокорнымъ, достигли до того, что имѣютъ хорошіе и вѣрные метрическіе переводы, за чѣмъ намъ Рускимъ не имѣть наконецъ перевода Омера Экзаметрами? Не забудьте Шлецера, который говоритъ, что переводъ Омера на Славянорускомъ языкѣ долженъ превосхо-

дить всѣ прочіе переводы (*) *macto animo* (**). Отрывки Омера, вами по настоянію моему, Экзаметрами переведенные, подаютъ мнѣ надежду, что публика съ удовольствіемъ приметъ сей опытъ Греческаго стопосложенія. Читающіе Омера въ подлинникѣ, возрадуются, услышавъ отголо-

(*) Бей живо.

(**) Als ich in der Folge Legenden und Uebersetzungen Griechischer Kirchen-Vaeter in dieser Sprache (*) las, erstaunte ich über den Reichtum, die Pracht, und die Kraft derselben in Klang und Ausdruck. Im Zusammensetzen der wörter kömmt ihr keine als die Griechische gleich • • • • • • Ein Homer, Slavonisch übersetzt, müsste aller andern Uebersetzungen die Palme entreissen.

(*) *Alt - Slawonische. Nestors Sprache.*

A: L: Schlözer • • • Leben • • • I. Fragment. Aufenthalt und Dienste in Russland in 8.-- 1812.-- pag: 67.

Когда же въ послѣдствіи времени началъ я читать на семъ языкѣ (*) Четьи Минеи и переводы съ святыхъ отцевъ Греческой церкви, то я удивился богатству, красотѣ, силѣ сего языка въ доброзвучіи и выраженіяхъ. Въ составныхъ словахъ никакой языкъ съ онымъ равнятся не можетъ, кромѣ Греческаго • • • • • • Омеръ, на Славянскій языкъ переведенный, долженъ исхитить пальму (славы) у всѣхъ прочихъ переводовъ.

(*) Старо-Славянскій языкъ Преп. Нестора.

А. Л. Шлецера • • • жизнь • • • I й отрывокъ. Пребываніе и служба его въ Россіи— въ 8. 1812 стр. 67.

сокъ его безсмертныхъ пѣсней; нуждающимся въ переводѣ откроете вы наконецъ путь къ точному познанію красотъ древней словесности и языковъ классическихъ.

Честь имѣю быть, М. Г. м.

вашъ . . . .

С. Уваровъ.

ОТВѢТЪ.

Г-НА ГНѢДИЧА.

(*) Давно, М. Г. чувствую невыгоды стиха Александрійскаго для перевода древнихъ поэтовъ, весьма справедливо доказанныя въ письмѣ, которымъ вы меня почтили и ясно видимыя изъ того уже, что 17 слоговъ Экзаметра вмѣстить въ 12 Александрійскаго стиха нѣтъ возможности, не лиша его или живописныхъ эпитетовъ, или силы, или вообще характера древней Поэзіи, часто разрушаемаго малѣйшимъ измѣненіемъ оборота, необходимымъ для рифмы.—Такимъ образомъ, нѣтъ возможности въ переводѣ стихами Александрійскими удовлетворить желанію просвѣщенныхъ читателей, а особливо какъ вы, знакомыхъ съ языками древнихъ и дорого цѣнящихъ священныя красоты древней Поэзіи.— Поощряемый А. Н. О. и вашими лестными совѣтами, я осмѣлился на большій прежняго опытъ Экзаметра, чтобы представить его по желанію вашему почтенному обществу Бесѣды. Опытъ сего размѣра будетъ новъ для нѣкоторыхъ читателей, почему я и счелъ нужнымъ изложить формы

(*) Изъ сего письма и приложеннаго при немъ перевода VI пѣсни Иліады читаны были въ Бесѣдѣ выписки.

измѣненій экзаметрическихъ, чтобы по крайней мѣрѣ изъ нихъ можно было видѣть, сколько сихъ сей имѣетъ выгодъ и превосходства передъ Александрійскимъ.

Главный размѣръ:

– ◡ ◡ – ◡ ◡ – ◡ ◡ – ◡ ◡ – ◡ ◡ – ◡
Гнѣвъ, о бо|гиня вос|пой Ахи|ллеса Пе|леева | сына.

Измѣненія:

4 дакт. и 2 хорея.

– ◡ ◡ – ◡ ◡ – ◡ ◡ – ◡ ◡ – ◡ ◡ – ◡
Гнѣвъ, бо|гиня, вос|пой Ахи|ллеса Пе|леева| сына

– ◡ ◡ – ◡ ◡ – ◡ – ◡ ◡ – ◡ ◡ – ◡
Дій же о|тецъ отъ О|лимпа| громы низ| вергнулъ на|землю.

5 дакт. и 5 хорея.

– ◡ ◡ – ◡ ◡ – ◡ – ◡ – ◡ ◡ – ◡
Кони по|слушные | быстро | мчатся | съ грознымъ воз|ницей.

– ◡ – ◡ ◡ – ◡ – ◡ ◡ – ◡ ◡ – ◡
Онъ васъ|свѣтлаго|неба|въ тартаръ низ| ринетъ глу|бокій.

2 дакт. и 4 хорея.

– ◡◡ – ◡ – ◡ – ◡ – ◡ ◡ – ◡
Легкіе|кони|скачутъ|быстро,|рвы преле| тая.

– ◡ – ◡ – ◡ – ◡ ◡ – ◡ ◡ – ◡
Быстро|кони|полемъ|прахъ возды|мая не| сутся.

1 дакт. и 5 хореевъ.

– ◡ – ◡ – ◡ – ◡ – ◡ ◡ – ◡
Волны|моря|вставши|съ ревомъ|хлещут-ся|въ берегъ.

Такія измѣненія въ Рускомъ — какъ и въ Греческомъ Экзаметрѣ простираются до 16; а съ измѣненіемъ и пятой стопы на Хорея, они гораздо болѣе умножатся. Польза и красота ихъ очевидны; однакожъ употребленіе безъ нужды и пользы никогда не составитъ красоты. — Поелику всѣ односложныя частицы, по свойству ихъ всегда почти короткіе, а особенно союзъ *и*, въ первую стопу Дактиля входятъ съ непріятностію для слуха; — въ избѣжаніе сего, я лучшимъ почелъ средствомъ употреблять одно изъ измѣненій въ тѣхъ стихахъ, которые начинаются односложными частицами:

Но Адраста живымъ уловилъ Менелай ратоборный.
И на быстромъ бѣгу колесницу—
И Пріамъ и народъ знаменитаго въ браняхъ Пріама
и проч.

Стихи сіи въ чтеніи хотя покажутся Анапестическими; но по правиламъ размѣра они совершенно Дактило-хореическіе; ибо первая стопа Хорей, а прочія Дактили:

– ◡ – ◡ ◡ – ◡ ◡
Но Ад|раста жи|вымъ уло|вилъ—
– ◡ – ◡ ◡ – ◡ ◡ – ◡
И на | быстромъ бѣ|гу колес|ницу—
– ◡ – ◡ ◡ – ◡ ◡ – ◡ ◡
И Прі|амъ и на|родъ знаме|нитаго—

Другія измѣненія весьма рѣдко употреблялъ я въ семъ первомъ опытѣ, чтобы размѣръ,

мало еще знакомый слуху, не затруднилъ читателя. Впрочемъ такого затрудненія легко избѣгнуть — читая просто по обыкновенному словоударенію. Нѣкоторыя однакожъ ударенія въ именахъ собственныхъ, принятыя нами отъ Французовъ и противящіяся мѣрѣ Экзаметра, должно было перемѣнить на ударенія Греческія, какъ то: Агамéмнонъ, Лаомéдонъ и другія, надъ которыми въ стихахъ и поставлены ударенія.

Предая сужденію общества слабый сей опытъ, я и васъ, М. Г. какъ виновника его — подвергаю тому, что онъ заслужитъ. Впрочемъ буду щастливъ, если критика просвѣщенныхъ читателей откроетъ мнѣ лучшіе способы къ составленію Рускаго Экзаметра.

Имѣю честь быть, *и проч.*

Н. Гнѣдичъ.

ИЛІАДА.

Пѣснь VI.

Ст. I. Страшную битву народовъ оставили свѣтлые боги,
Въ полѣжъ и тамо и тамо шумѣла бранная буря.
Часто толпы сопротивныхъ стремили мѣдяныя копья
Между береговъ Симоиса и Ксанѳа быстрыхъ потоковъ.
Первый Аяксъ Теламонидъ, стѣна броненосныхъ Данаевъ,
Прорвалъ ряды Фригіянъ и свѣтомъ возрадовалъ Грековъ,
Мужа низвергши, Эвссорова сына, героя Ѳракіянъ,
Страшнаго силой, огромнаго тѣломъ вождя Акаманта;
Тяжко врага поразилъ онъ по шлему близъ конскаго гребня:
Шлемъ пробило на сквозь и чело и въ глубь кости проникло
Мѣдное жало, и вѣчная тьма его очи покрыла.

Въ слѣдъ быстроборный Тидидъ съ колесницы Аксила низринулъ,
Тевѳрона сына, которой въ стѣнахъ обитая Аризва
Властвовалъ многимъ богатствомъ, былъ ревностный другъ человѣковъ.
Ласково всѣхъ угощалъ онъ, въ дому при пути обитая;
Нынѣжъ изъ оныхъ никто не отвелъ его ранней кончины:
Другъ его вѣрный Калезій, въ сей мигъ управлявшій конями,

Вмѣстѣ подъ дланью Тидида съ нимъ предалъ стенящую душу;
Палъ близъ него, и низшли они вмѣстѣ въ земную обитель.

Дреза повергъ Эвріалъ и при немъ поразивши Офельта,
Въ бои на Педаза потекъ и Эзепа рожденнымъ Наядой,
Нимфой къ любви преклоненной Вуколіономъ прекраснымъ:
Вуколіонъ же былъ сынъ Лаомедона славнаго мужа,
Первый изъ чадъ, но не въ брачномъ союзѣ рожденный женою:
Пастыремъ бывъ онъ, на пажитяхъ съ Нимфой любви насладился;
Нимфа понесшая плодъ, сыновъ близнецовъ породила.
Ихъ Эвріалъ поразилъ и простерши на прахъ бездыханныхъ,
Съ нѣжныхъ раменъ совлекъ обагренные кровью доспѣхи.
Вождь Полипетъ браноносный жизнь Астіала преторгнулъ;
Мѣднымъ Улиссъ копіемъ сокрушилъ Перкозійца Пидита;
Тевкръ младой Аретаона кровь благородную пролилъ.
Мужа Авлера попралъ Антилохъ копіемъ своимъ острымъ;
Свѣтлый владыка мужей Агамемнонъ Элата низвергнулъ,
Живщаго въ крѣпкомъ Педазѣ, при злачныхъ брегахъ Сатніона;
Леитъ Филака постигъ и въ хребетъ поразилъ его въ бѣгствѣ;
Грозный же вождь Эврипилъ Меланѳа низринулъ къ Аиду.

Но Адраста живымъ уловилъ Менелай ратоборный:
Кони его устрашенные, по полю бурно крутяся,
И на быстромъ бѣгу колесницу ударя о пень Тамариніпа,
Дышло въ концѣ сокрушили и болѣ взлютѣя помчались
Къ граду, куда и всѣ кони гонимые страхомъ бѣжали.
Самъ же Адрастъ, съ высоты стремглавъ къ колесу низвращенный,
Грянулся ницъ на песокъ; и въ мигъ сей предсталъ къ нему быстро
Храбрый Атридъ Менелай, огромнымъ копьемъ ополченный.
Съ ужасомъ ноги обьемля, Адрастъ возопилъ къ Менелаю:

,,О пощади, сынъ Атрея! и выкупъ прими драгоцѣнный.
,,Много въ стяжаньяхъ родителя въ домѣ сокровищъ хранится:
,,Мѣди и злата и хитрокованныхъ издѣлій желѣза.
,,Скорбный родитель не медля воздастъ тебѣ выкупъ несмѣтный,
,,Если познаетъ, что живъ я въ неволѣ у храбрыхъ Данаевъ.,,

Рекъ онъ и сердце Атрида уже преклонялось на жалость;
Онъ повелѣть уже мыслилъ единому въ сонмѣ клевретy
Весть къ кораблямъ его быстрымъ: но се, Агамемнонъ владыка
Гнѣвный на встрѣчу прибѣгъ и грознымъ вскричалъ къ нему гласомъ

,,Брапъ малодушный! почто ты враговъ сихъ толико жалѣешь?
,,Испинно въ домѣ твоемъ сотворили добро Фригіяне....
,,Нынѣ, ни единый изъ нихъ да отъ рукъ не избавится нашихъ!
,,Самымъ младенцамъ въ утробѣ, и тѣмъ да не будетъ пощады!
,,Всѣ до послѣдняго рода въ противныхъ стѣнахъ Иліона,
,,Всѣ да погибнутъ и гроба лишенные съ прахомъ исчезнутъ!,,

Тако вѣщая герой, премѣнилъ помышленіе брата.
Къ правымъ совѣтамъ склонясь, онъ отринулъ рукою Адраста;
Царь же мужей Агамемнонъ копьемъ поразилъ его въ чрево:
Палъ онъ на долъ и простерся хребтомъ; и Атридъ Агамемнонъ
Ставши пятою на перси, исторгнулъ копье изъ утробы.

Несторъ же мудрый полки увѣщалъ восклицающій громко:
,,Други, Арея сподвижники, сонмы Ахейскихъ героевъ!
,,Днесь за полками никто да не медлитъ корыстей алкая,
,,Мысля отъ браннаго поля съ добычей къ судамъ отлучаться.
,,Будемъ враговъ поражать, и смиря ихъ, вы послѣ въ покоѣ
,,Всѣ совлечете корысти, властители ратнаго поля.,,

Рекъ онъ и каждаго душу исполнилъ и рвеньемъ и силой.
Истинно бъ въ день сей Трояне предъ воинствомъ храбрыхъ Данаевъ

Скрылись въ твердыни Пергама, постыднымъ смятенные бѣгствомъ;

Еслибъ Энея и Гектора такъ вразумить не явился
Мудрый Пріамидъ Геленъ, знаменитый Пророкъ Иліонскій.
„Гекторъ, Эней, о герои носящіе тяжкій трудъ брани!
„Вы, на которыхъ почіетъ надежда Троянъ и Ликіянъ
„Паче бо всѣхъ превосходны вы въ битвахъ, въ дѣлахъ и совѣтахъ.
„Будьте вы здѣсь, и вращаясь вездѣ предъ градскими вратами,
„Сонмы сдержите смятенныхъ, доколѣ бѣгущіе вои
„Женъ ихъ не пали въ объятія злобнымъ Ахеямъ на радость.
„Послѣжъ, когда возмущенные всѣ вы полки ободрите,
„Здѣсь мы незыблемо станемъ, и какъ ни свирѣпо разимы,
„Будемъ стоять противъ Грековъ; велитъ бо жестокая нужда!
„Гекторъ, гряди въ Иліонъ, и повѣдай ты матери нашей:
„Пусть она, вскорѣ собравъ знаменитѣйшихъ женъ Иліонскихъ,
„Идетъ къ высокой твердынѣ, предъ храмъ свѣтлоокой Аѳины;
„Пусть заключенныя двери отверзя священнаго крова,
„Ризу какая прекраснѣе, всѣхъ велелѣпнѣе въ домѣ
„Ей и самой любезнѣе болѣе всѣхъ облаченій,
„Въ даръ на колѣна возложитъ великой Богинѣ Палладѣ.
„Пусть ей двѣнадесять юницъ, подъ игомъ ярма не смиренныхъ,
„Въ храмѣ заклать обрекается, если, молитвы услыша,
„Градъ нашъ священный помилуетъ женъ и дѣтей неповинныхъ;

„Если отъ стѣнъ Иліона отринетъ Тидеева сына,
„Лютаго ратника, всѣмъ наносящаго ужасъ и бѣгство,
„Въ воинствѣ Грековъ страшнѣйшаго силой и дерзостью сердца!
„Въ ужасъ подобный Пелидъ не ввергалъ насъ, битвъ грозныхъ рѣшитель,
„Мужъ отъ Богини рожденный; толико сей ратникъ неистовъ!
„Въ Трои никто не возможетъ быть въ крѣпости силъ ему равенъ.„

Рекъ онъ, и Гекторъ великій, послушный вѣщанію брата,
Скоро съ оружіемъ свѣтлымъ низпрянулъ на долъ съ колесницы;
Два копія потрясая, потекъ по рядамъ ополченья;
И возбуждая ко брани, воздвигъ онъ кровавую сѣчу.
Всѣ обратились отъ бѣгства и стали въ лице Аргивянамъ.
Рать Аргивянъ отступила, сдержала и бой и стремленье
Мысля, что нѣкій безсмертный, низшедши отъ звѣзднаго неба
Самъ поборaетъ Фригіянамъ: такъ они ринулись грозно.

Гекторъ еще воспалялъ ихъ, взывающій гласомъ гремящимъ:
„Храбрые Тевкры и вы дальноземцы, защитники Трои!
„Будьте мужами, о други, явите всю страшную крѣпость,
„Въ Трою доколь я священную съ бранныхъ полей отлучуся,
„Старцамъ повѣдать совѣтнымъ и нашимъ супругамъ и чадамъ,

„Сильныхъ да молятъ Боговъ, обѣтуя стотельчную жертву.„

Тако вѣщая шествовалъ шлемомъ колеблющій Гекторъ;
Съ вышижъ до стопъ за хребтомъ его билася черная кожа,
Весь по краямъ обтекавшая выкуплый щитъ его мѣдный.

Гекторъ пришедши въ Трою, входитъ между прочимъ въ домъ свой и, не находя Андромахи, спрашиваетъ у домашнихъ женъ, куда она удалилась? Одна изъ женъ отвѣчала ему;

Ст. 386. „Къ башнѣ Троянской великой она удалилась изъ дому.
„Внемля, что рать стѣснена и Данаи жестоко стремятся,
„Ринулась быстро къ твердынямъ, подобно женѣ изступленной,
„Несть повелѣвши и сына при персяхъ рабынѣ питавшей.„

Такъ отвѣчала; и быстро изъ дому герой устремился,
Прежнимъ обратно путемъ, по широкимъ стогнамъ Пергама.
Градъ же великій прейдя приближался къ вратамъ уже Скейскимъ:
Путь бо чрезъ оныя былъ изводящій на ратное поле:
Тамъ, Андромаха супруга, бѣгущая встрѣчу предстала,
Вѣтвь знаменитаго дома, прекрасная дщерь Гетеона.
Въ Плакѣ лѣсами вѣнчанномъ Царь Гетеонъ обитая,
Въ Ѳивахъ господствовалъ крѣпкихъ, властитель мужей Киликіянъ.

Онъ броненоснаго Гектора избралъ супругомъ для дщери.
Се, она мужу предстала съ единой изъ вѣрныхъ прислужницъ,
Сына несущей при персяхъ, безсловное чадо, младенца,
Плодъ ихъ единый, прекрасный, подобный звѣздѣ лучезарной.
Звалъ его Гекторъ Скамандріемъ, всѣжъ обитатели Трои
Астіанаксомъ: единый бо Гекторъ былъ Трои защита.
Нѣжно осклабился Гекторъ, безмолвный взирая на сына;
Но Андромаха рыдая близко предстала къ супругу,
Къ персямъ приникла и сжавъ его руку, вѣщать ему стала:

,,Мужъ благородный! тебя твое сердце великое губитъ!
,,Нѣтъ въ тебѣ жалости къ сыну младенцу, ко мнѣ злополучной.
,,Скоро я буду вдовицею! скоро сразятъ тебя Греки
,,Всею напавшіе силой! И мнѣ, разлученной съ тобою,
,,Лучше въ могилу сокрыться! не будетъ мнѣ въ свѣтѣ отрады!
,,Если умрешь ты, одна я останусь на вѣчную горесть!
,,Нѣтъ у меня ни отца уже болѣ, ни матери нѣжной!
,,Царь мой отецъ умерщвленъ: Ахиллесъ умертвилъ его грозный,
,,Градъ Киликійскій разруша, блаженныя нѣкогда Өивы.
,,Онъ поразилъ Гетеона, но рукъ не простеръ на корысти;
,,Ихъ не совлекъ съ умерщвленнаго, страха исполненный къ старцу;

,,Предалъ сожженію тѣло съ оружіемъ хитрокованнымъ;
,,Создалъ надъ прахомъ могилу, и ульмы окрестъ насадили
,,Нимфы холмовъ Ореады, Зевеса прекрасныя дщери
,,Седмь моихъ братіевъ кровныхъ, со мною въ дому возраставшихъ,
,,Всѣ въ одинъ день преселилися въ темную ада обитель!
,,Всѣхъ ихъ простеръ бездыханными лютый Пелидъ быстроногій,
,,Въ стадѣ овецъ и тельцовъ поразивши на пажитяхъ злачныхъ!
,,Матерь мою, обладавшую въ Плакѣ дубравномъ Царицу,
,,Плѣнницей къ стану изведши со всѣми богатствами дома,
,,Онъ отпустилъ искупленную жертвой даровъ безпредѣльныхъ,
,,Грозная жъ Ѳива въ чертогахъ отца и ее поразила!
,,Гекторъ, ты все мнѣ на свѣтѣ! отецъ и почтенная матерь,
,,Братъ мой любезный и сердцу дражайшій супругъ мой прекрасный!
,,Сжальсяжъ въ сей день надо мною и здѣсь ты останься при башнѣ:
,,Сына не сдѣлай ты сирымъ, супруги не сдѣлай вдовицей!
,,Рать удержи близъ смоковницъ, гдѣ граду грозитъ нападенье:
,,Путь здѣсь открытъ и удобенъ, здѣсь могутъ востечь на твердыню.
,,Чада Атрея и съ ними Данаевъ сильнѣйшіе вои,
,,Критскій владыка, Аяксы и страшный Тидидъ ратоборецъ
,,Трижды путемъ симъ кидаясь уже вознестись покушались,

,,Мудрый ли нѣкій гадатель совѣтомъ туда ихъ подвигнулъ?
,,Или на нашу погибель ихъ вѣщее сердце стремило!

Гекторъ же шлемомъ колеблющій такъ отвѣчалъ Андромахѣ:

,,Равная скорбь, о супруга, сердце и мнѣ сокрушаетъ!
,,Но трепещу я Троянъ и Троянокъ упрековъ позорныхъ,
,,Если вдали какъ безчестный, я стану отъ битвъ уклоняться.
,,Сердце мнѣ то воспретитъ: я давно научился быть храбрымъ;
,,Первымъ предъ ратью Пергамской стремиться на смертныя битвы,
,,Громкую славу отцовъ и славу мою защищая.
,,Такъ, несомнѣнно я знаю и тайно предчувствую сердцемъ:
,,Прійдетъ плачевнѣйшій день, и погибнетъ священная Троя,
,,И Пріамъ и народъ знаменитаго въ браняхъ Пріама!
,,Но, не толико меня сокрушаетъ судьба Иліона,
,,Участь Пріама владыки и матери дряхлой Гекубы,
,,Участь тѣхъ братій злосчастныхъ, которые въ юности крѣпкой
,,Многіе свергнутся въ прахъ подъ руками враговъ разъяренныхъ;
,,Сколько ужасная мысль— что нѣкій Ахеянинъ гордый
,,Льющую слезы тебя повлечетъ въ невозвратну неволю!
,,И въ Элладѣ, рабыня, ты будешь и ткать и работать!
,,Воду носить съ Мессеиса, или отъ бреговъ Гиперея,
,,Съ тяжкой болѣзнью, стыдомъ, но заставитъ жестокая нужда!

,,Всякой же зря твои слёзы, тамъ будетъ вѣщать, посмѣваясь:

,,Вотъ супруга героя, Гектора страшнаго въ биттвахъ,
,,Всѣхъ Иліонскихъ мужей превозшедшаго въ брани Троянской!

,,Такъ посмѣются и новою скорбью пронзятъ твое сердце!

,,Вспомнишь степеня ты супруга, могущаго плѣнъ твои расторгнуть.

,,Но покройте меня бездыханнаго глыбы земныя
,,Прежде, чѣмъ вопль твой услышу и плѣнъ твои узрю я позорный!,,

Рекъ и приближася къ сыну, простеръ къ нему руки Пріамидъ:

Вспять отклонился младенецъ, и къ Персямъ рабыня питавшей

Съ крикомъ приникъ, устрашася любезнаго отчаго вида:

Мѣди гремящей боясь и конскій зря гребень ужасный,
Грозно надъ шлемомъ высокимъ нависшій и зыблемый вѣтромъ.

Радуясь симъ, улыбнулся отецъ и почтенная матерь.
Снялъ тогда Гекторъ съ главы своей грозный шеломъ лучезарный

И на долъ низложивши, лаская пріемлетъ младенца,
Лобзаетъ дражайшаго сына и нѣжно качая руками,
Громко взываетъ къ Зевесу и къ жителямъ звѣзднаго неба:

,,Зевсъ и безсмертные Боги! О сотворите, да будешь

„Сей мой возлюбленный сынъ, какъ и я, знаменитъ въ Иліонѣ.

„Разными доблестьми крѣпокъ и силенъ владычествомъ въ царствѣ.—

„Пусть его нѣкогда узрятъ отъ брани грядущаго въ Трою

„Съ славой, съ побѣдой, съ кровавой корыстью враговъ сокрушенныхъ;

„Пусть о немъ нѣкогда скажутъ: геройствомъ отца онъ превысилъ;

„Пусть сіе матерь внимаетъ и въ радости сердца ликуетъ!„

Рекъ и супругѣ любезной взлагаетъ онъ на руки сына.
Матерь младенца пріявъ къ благовонному лону прижала,
Тихо сквозь слезъ улыбаясь. Симъ видомъ герой умилился

И рукою лаская супругу, ей тако вѣщалъ утѣшая:

„Нѣтъ, не круши ты, о милая, скорбью безмѣрною сердца:

„Въ гробъ не сведетъ меня смертный прежде сужденнаго рока;

„Рокажъ, я мыслю, избѣгнуть никто не возможетъ на свѣтѣ

„Съ перваго дня какъ родится, герой онъ иль мужъ малодушный.

„Но возвратися ты въ домъ, о своихъ пекися заботахъ;
„Въ пряжѣ и тканьи трудись и женъ поощряй къ прилѣжанью;

„Брань же есть дѣло мужей, крѣпкодушныхъ сыновъ Иліона.

„Всѣ они, паче же я, понесемъ въ ней и трудъ и заботы.„

Тако вѣщая Прiамидъ и шлемъ свой подъявши косматый
Быстро отшелъ. И жена потекла безмолвная къ дому,
Часто свой взоръ обращая, потоками слезъ обливаясь,
Скоро достигшая къ свѣтлымъ Прiамова сына чертогамъ
Многихъ рабынь обрѣла въ нихъ и воплемъ ихъ всѣхъ возмутила!
Всѣ о живомъ еще Гекторѣ съ ней возрыдали въ чертогахъ,
Зрѣть его болѣ не чая притекшаго съ гибельной битвы,
Грозныхъ избѣгшаго силъ и крушительныхъ дланей Ахейскихъ.

Се и Паридъ уже болѣ не медлитъ въ высокихъ чертогахъ:
Онъ, облеченный въ доспѣхъ, испещренною мѣдью покрытый,
Скоро стремится по граду надежный на легкiя ноги.
Конь когда узы разторгнетъ, упитанный въ стойлѣ ячменемъ,
Бурный бѣжитъ по полямъ поражая копытами землю;
Жаждущiй плавать въ потокѣ, катящемъ прохладныя воды,
Пышетъ, подъемлетъ главу, по плечамъ его грива играетъ,
Радостный, гордый красою летитъ кобылицъ онъ ко стаду,
Быстро несутъ его ноги къ знакомымъ долинамъ ихъ пастьбы;

Такъ и прекрасный Паридъ отъ высокихъ твердынь Иліона
Въ свѣтлыхъ доспѣхахъ, какъ солнце сіяя, низшелъ восхищенный.
Быстро несли его ноги и скоро настигнулъ онъ брата,
Гектора мѣдью покрытаго, текшаго къ брани кровавой
Съ мѣста, гдѣ мужъ знаменитый бесѣдовалъ съ кроткой супругой.
(516)

КЛАДБИЩЕ.

Солнце свѣтлое затмилось,
Возшумѣли вѣтры вдругъ!....
Въ грудь унынье мнѣ вселилось,
Омрачился скорбью духъ;
Томной, медленной стопою
На кладбище я пошелъ....
Тамъ поросшіе травою
Гробы пышные узрѣлъ.
Дивный марморъ, мхомъ покрытый,
Тщетность гордости гласитъ;
Мужъ безвѣстный, знаменитый....
Все равно землей покрытъ.
Въ жизни щастьемъ вознесенны,
И униженны судьбой....
Въ тѣсномъ гробѣ заключенны
Всѣ равны между собой.—
Тщетно памятникъ надгробный
Красотой искуствъ блеститъ,
Коль сокрытъ въ немъ смертный злобный....
То онъ презрѣнъ и забытъ...
А смиренная могила,
Что отъ всѣхъ мірскихъ суетъ
Добродѣтельныхъ укрыла....
Всѣ сердца къ себѣ влечетъ;

Всѣмъ любезна, всѣмъ священна,
Всѣ надъ нею слезы льютъ....
Память добрыхъ незабвенна:
Ихъ дѣла въ сердцахъ живутъ.

Гробы гордыхъ я оставилъ
Съ возмущенною душой,
И туда мой путь направилъ,
Гдѣ забытыя судьбой
Души кротки и правдивы
Совершили свой предѣлъ....
Гробы ихъ краснорѣчивы
Добродѣтелью ихъ дѣлъ! —
Не вкусивъ страстей отравы,
Не гоняясь за мечтою,
Не алкали тщетной славы...
Но съ сердечной простотой,
Среди мира и свободы
Окончали жизнь свою....
Миръ вамъ, миръ... сыны природы!
Зря вашъ прахъ... я слезы лью. —
Нѣтъ здѣсь надписей тщеславныхъ,
Гробъ не красится рѣзьбой....
Но среди древесъ печальныхъ
Камень дикой и простой. —
Вмѣсто урны позлащенной,
Вмѣсто марморныхъ столбовъ....

Надъ могилой драгоцѣнной
Стонетъ дружба и любовь.

Здѣсь печальная супруга
Потерявъ любви предметъ,
Жизни спутника и друга
Непритворны слезы льетъ.

Здѣсь отецъ чадолюбивый
Съ сыномъ щастія лишась,
Въ грусти тихой, молчаливой,
На сыру землю склонясь
Обнимаетъ камень хладной,
И полмертвый духъ живитъ
Той надеждою отрадной,
Что ихъ гробъ соединитъ. —

Здѣсь, какъ съ стеблемъ разлученна
Нѣжна Лилія весной,
Бурнымъ вихремъ пораженна
Тратитъ блескъ прелестный свой;
Блекнетъ, вянетъ, изсыхаетъ...
Такъ прелестна нѣжна дочь
Сиротою увядаетъ,
И въ унылу мрачну ночь
Къ гробу матери стремится,
Лобызаетъ милый прахъ. —
Свѣтлый взоръ ея мрачится,
И мечтаетъ въ небесахъ
Видѣть тѣнь ей драгоцѣнну....

Къ ней объятія стремитъ!—
Но познавъ мечту плачевну
Духъ отчаяньемъ крушитъ.

Здѣсь надъ гробомъ благотворныхъ
Сонмъ и вдовыхъ и сиротъ,
Въ чувствахъ скорби непритворныхъ,
Слезы пламенныя льетъ....

Вотъ достойные трофеи
Добродѣтельныхъ людей....
Что вы горды Мавзолеи,
Прахъ вмѣстившіе Царей,
Разрушителей вселенной?—
Тлѣнны вы.... Но блескъ добротъ
Зиждетъ памятникъ нетлѣнной,
И переходитъ въ родъ и родъ.

С. Висковатовъ.

БАСНИ.

I.

Орелъ и Пчела.

Щастливъ, кто на чредѣ трудится знаменитой
Ему и то ужъ силы придаетъ,
Что подвиговъ его свидѣтель цѣлый свѣтъ.
Но сколько тотъ почтенъ, кто въ низости сокрытый,
За всѣ труды, за весь потерянный покой
Ни славою, ни почестьми не льстится.
И мыслью оживленъ одной,
Что къ пользѣ общей онъ трудится.

Увидя, какъ пчела хлопочетъ вкругъ цвѣтка,
Сказалъ Орелъ однажды ей съ презрѣньемъ:
Какъ ты бѣдняжка мнѣ жалка,
Со всей твоей работой и съ умѣньемъ.
Васъ въ ульѣ тысячи все лѣто лѣпятъ сотъ,
Да кто же послѣ разберетъ
И отличитъ твои работы?
Я право не пойму охоты,
Трудиться цѣлый вѣкъ, и чтожъ имѣть въ виду?
Безвѣстной умереть со всѣми на ряду.
Какая разница межъ нами!
Когда расширяся шумящими крылами,
Ношуся я подъ облаками,
То всюду разсѣваю страхъ,

Не смѣютъ отъ земли пернатые подняться;
Не дремлютъ пастухи при тучныхъ ихъ стадахъ;
Ни лани быстрыя не смѣютъ на поляхъ,
Меня завидя, показаться.
Пчела отвѣтствуетъ: тебѣ хвала и честь.
Да продлитъ надъ тобой Зевесъ свои щедроты;
А я, родясь труды для общей пользы несть,
Не отличать ищу свои работы,
Но утѣшаюсь тѣмъ на наши смотря соты,
Что въ нихъ и моего хоть капля меду есть.

II.

Щука и Котъ.

Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ;
А сапоги тачать пирожникъ.
И дѣло не пойдетъ на ладъ,
Да и примѣчено сто кратъ,
Что кто за ремесло чужое браться любитъ,
Тотъ завсегда другихъ упрямѣй и вздорнѣй.
Онъ лучше дѣло все погубитъ,
И радъ скорѣй
Посмѣшищемъ стать свѣта,
Чѣмъ у честныхъ и знающихъ людей
Спросить иль выслушать разумнаго совѣта.

Зубастой щукѣ въ мысль пришло
За кошечье приняться ремесло.

Не знаю завистью ль ее лукавой мучилъ,
Иль можетъ быть ей рыбной столъ наскучилъ;
Но только вздумала кота она просить,
Чтобъ взялъ ее съ собой онъ на охоту
Мышей въ анбарѣ половить.
Да полно знаешь ли ты эту, свѣтъ, работу?
Сталъ щукѣ Васька говорить.
Смотри, кума, что бы не острамиться;
Не даромъ говорится,
Что дѣло мастера боится.
И! полно куманекъ! вотъ не видаль—мышей!
Мы лавливали и ершей.
Такъ въ доброй часъ, пойдемъ!—Пошли, засѣли:
Натѣшился, наѣлся котъ,
И кумушку провѣдать онъ идетъ;
А щука чуть жива лежитъ разинувъ ротъ,
И крысы хвостъ у ней отъѣли.
Тутъ видя, что кумѣ совсѣмъ не въ силу трудъ.
Кумъ замертво ее стащилъ обратно въ прудъ.
И дѣльно—это щука
Тебѣ наука
Впередъ умнѣе быть
И за мышами не ходить.

Иванъ Крыловъ.

СОЧИНЕНІЯ НЕЧИТАННЫЯ ВЪ БЕСѢДѢ.

ПѢСНЬ

Курайча Рифейскихъ горъ (*).

„Что томно такъ свирѣль играетъ!
„Уныло голосъ издаетъ!
„О чемъ, повѣдай, унываетъ,
„И нашихъ пѣсней не поетъ?
Народъ Курайча (1) вопрошаетъ.
Но сей, что отвѣчать не знаетъ,
Въ безмолвной тишинѣ стоитъ.
Чудится самъ премѣнѣ явной,
Что нравъ его и умъ забавной,
Не зная, что сказать!— молчитъ.

Молчитъ;— и всюду примѣчаетъ
Нестройность видиму во всемъ.
Глядитъ; но самъ не понимаетъ
И въ собственномъ быту своемъ.
Верховой конь въ поляхъ не рыщетъ,
И песъ хозяина не ищетъ,
Теряетъ кобылицъ самецъ,
Туйгунъ (2) гусей не догоняетъ,

(*) Прислано съ Урала.

Лисицу песъ не добываетъ,
Въ закутахъ режетъ волкъ овецъ.

Но вотъ!— и хищный звѣрь горами,
Стремится къ полночѣ бѣжать;
И враны черные стадами
Тудажъ пустились отлетать. (*)
Буранъ (3) имъ въ томъ не воспящаетъ,
И пуще съ тылу погоняетъ,
Побитой рати на тѣла.
Совы средь ясна дня летѣли,
Въ колчанахъ стрѣлы зашумѣли,
На лукѣ взвыла тетива.

Съ кольчуги ржавчина валилась,
Какъ лучъ надглавникъ заблисталъ,
Булатна сабля изострилась,
Конецъ копья приправленъ сталъ,
Кони копытомъ землю били,
И пѣну изъ роту клубили,
А паръ отъ нихъ какъ дымъ валитъ. (4)
Молва во всѣхъ носясь аулахъ (5)

(*) Башкирцы думаютъ, что хищные звѣри и птицы чуютъ гдѣ есть трупы, отъ чего и пословица говорится: звѣрь на кровь бѣжитъ.

Въ невнятныхъ отдавал..ь гулахъ;
„Война на полночи горитъ!

Какъ ловчій соколъ снарядился
На хищныхъ врановъ напущать;
Такъ каждый батырь устремился,
За бѣлаго Падьшу (6) стоять.
Онъ браннаго коня сѣдлаетъ,
Приборы ратны надѣваетъ
Врага всеобща поражать.
Дѣтей младыхъ благословляетъ
Царю небесному вручаетъ,
Земнаго ѣдетъ защищать.

Старѣйшины пришли сѣдые
И батырямъ сказали такъ:
„Оставя игры полевыя
„Ступайте женихи на бракъ.
„Копьемъ и саблею пиръ дайте,
„Оковы тяжкими вѣнчайте,
„На васъ нашедшу злую рать.
„Къ нимъ бранну почесть соблюдите,
„На копья острыя садите,
„Умѣйте саблей Туй (*) скончать.„

(*) Туй у Башкирцевъ называется свадебный пиръ.

Рѣкли. — И батыри пустилися
На ратно поле пировать.
Какъ волны за волной катилися,
Гостей на полночи искать.
Кураичи бранну пѣснь взыграли,
Отцы и матери взывали,
Да Богъ избавитъ ихъ отъ бѣдъ.
Дѣвицы юныя, прекрасны,
Однѣ казалися нещастны,
Что имъ итти не смѣли въ слѣдъ.

———

Ушли; — и долго не слыхали
Вѣстей о батыряхъ своихъ.
Молвѣ народной не дерзали
Повѣрить слѣпо участь ихъ.
Муллы (7) Намазы (8) отправляли
Со старцы Бога умоляли,
Ихъ силы подкрѣпить и духъ.
Всѣ къ небу воздымая длани,
И къ Богу крѣпкому во брани
Умильно вопіютъ. — И вдругъ!

———

Жезломъ Князь Михаилъ ударилъ,
И новый Фараонъ бѣжитъ;
Своихъ по трупамъ путь направилъ,
Израиль въ тылъ его разитъ.
Тимпаны съ лики загремѣли,

И пѣснь побѣдную воспѣли,
Безсмертному Царю вѣковъ.
Священны дѣвы вдохновенны,
Царемъ Пророкомъ наученны
Въ Сіонѣ возродились вновь.

—————

О! древней отрасль Маріаны,
Тимпаницъ дѣвъ священный хоръ!
Достигъ твой нынѣ ликъ тимпанный
Сѣдыхъ верьховъ Рифейскихъ горъ.
Долины снѣжны огласились,
Въ теченье рѣки становились,
Не смѣли вѣтры бушевать.
Древа куржакъ (9) съ себя стрясали,
Изъ логовъ звѣри выбѣгали,
Побѣдну пѣснь твою внимать.

—————

И се! — Изъ дальнихъ зрю толпами
Ауловъ ѣдущій народъ;
Семью зовущійся родами
Въ осьмой присвоенный имъ родъ.
Спѣшатъ узнать и вопрошаютъ,
Священну пѣснь не понимаютъ,
Не смѣютъ Лиры въ руки взять.
Курайча вѣща призываютъ,

Тимпанъ со гусльми повѣряютъ,
Велятъ священный гимнъ взыграть.

Но какъ взыграть сей Гимнъ!—не знаю;
Не звученъ гласъ, гугнивъ языкъ.
Я къ вамъ Тимпанницы взываю,
Вдохните вашъ мнѣ громкой ликъ!
Скажите: кто васъ дѣвъ священныхъ
Изъ пепла фениксовъ рожденныхъ,
Умѣлъ во время возродить?
„Пѣвецъ прославленной Царицы,
„Что васъ подъ именемъ Фелицы,
„Заставилъ добродѣтель чтить.„

„Да будетъ онъ благословенный
„Отнынѣ въ вѣкъ и въ родъ и родъ
„Онъ древній нашъ Мурза почтенный!
Воскликнулъ въ радости народъ.
Да съ нами духомъ водворится,
И тѣмъ во вѣкъ не разлучится,
Сердецъ приверженныхъ къ нему.
О немъ бесѣды не престанутъ,
Благіми дѣлы воспомянутъ,
Курайчи воспоютъ ему.

А вы! съ восторженной душою
Пришли ко мнѣ глаголы внять!
Ихъ въ сердца чистотѣ со мною
Возможно только понимать.
Народъ!—внемлите вѣсть благую,
Урусъ (10) погану рать и злую
Попралъ, стопталъ, подъ ноги смялъ.
Джигиты (11) наши подоспѣли,
Какъ снѣжны бури полетѣли
И врагъ на Западъ побѣжалъ.

———

Соотчичи мои любезны!
Сей врагъ есть древній тотъ Дадьжалъ (12)
Котораго Алла во бѣздны
Низвергнуть Ангела послалъ.
Уже сей злобный раззоритель,
Святыни чтимой осквернитель,
Упалъ, престорженъ, пораженъ.
Пути погибли нечестивы,
И замыслы исчезли льстивы,
Взнесенный рогъ его сотренъ.

———

Твою десницу Богъ направилъ,
Архистратигъ Россійскихъ силъ!
Ты съ именемъ его ударилъ,
И въ адъ летитъ сатанаилъ.

Его слѣды, — всѣ полны крови;
Къ тебѣ сердца, — полны любови
И родъ земный тебя благословитъ.
Тебѣ плетутъ — вѣнцы лавровы;
Ему готовитъ адъ — оковы;
Земля — проклятіе творитъ.

Полночный Пиндаръ вознесися
Превыше западныхъ пѣвцовъ!
Какъ орля юность обновися,
Хвала! — Осьми нашихъ родовъ!
Ты плавно пѣлъ дѣла Фелицы
Давидски днесь отроковицы
Трубятъ о славѣ нашихъ дней.
Прости степной моей свирѣли,
Того соотчичи хотѣли,
Чтобъ я тебѣ пропѣлъ на ней.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ

ПѢСНИ РИФЕЙСКИХЪ ГОРЪ.

---

(1) Башкирскій пѣвецъ.

(2) Ястребъ бѣлаго рода.

(3) Уральскихъ горъ жестокія метели.

(4) Башкирцы издревлѣ бывъ суевѣрны, утверждаютъ, что описанныя примѣчанія, во время войны, должны случиться непремѣнно.

(5) Зимнія Башкирскія жилища.

(6) Всероссійской Императоръ.

(7) Магометанскіе духовные.

(8) Ихъ богослуженіе.

(9) Иней на деревьяхъ бывающій.

(10) Башкирцы такъ называютъ Россіянъ.

(11) Молодые, смѣлые и проворные люди.

(12) Дадьжалъ, по мнѣнію Башкирцовъ, есть тотъ, котораго Христіяне называютъ Антихристомъ. О немъ повѣствуютъ: что родится отъ жены блудницы; въ краткое весьма время пріиметъ исполинскій ростъ и чрезмѣрно громкій голосъ. На крикъ его прибѣжитъ шестиногій оселъ.

также роста необычайно великаго, на которомъ онъ начнетъ производить въ родѣ человѣческомъ ужасныя кровопролитія. Тогда молитвами Мусульманъ снизойдетъ на землю Ангелъ, и схватя его съ шестиногимъ осломъ, закинетъ за гору Кафтъ. А гдѣ оная находится неизвѣстно.

ОДА.

На смерть Фельдмаршала Князя Смоленскаго,

Апрѣля въ 16 день 1813 года.

Откол҄ѣ палъ незапно громъ
И молнія покрылась паромъ?
Грохочетъ всюду гулъ кругомъ!
Какимъ гордится смерть ударомъ,
Что дрогнула твоя коса?

Давно ль, давно ль страна преславна
Въ блаженствѣ царствовала ты!
Гдѣ жъ красота твоя державна?
Не тотъ и взоръ, не тѣ черты!
Откол҄ѣ тамъ грусть, гдѣ духъ великій?

Военный Геній твой въ слезахъ.
Въ густомъ туманѣ тайна сила,
Всеобща скорбь слышна въ рѣчахъ,
По лаврамъ ты идешь уныло!
Гдѣ сынъ твой, гдѣ безстрашный вождь?

О рокъ! гдѣ вождь нашъ сильный?
Гдѣ воевода грозныхъ стрѣлъ?
Онъ въ родинѣ своей обильной
На гладъ и моръ враговъ навелъ,
И ихъ заставилъ жрать другъ друга!

Гдѣ онъ со пламеннымъ мечемъ
Женящій Князя тьмы и злобы,
Глотавшаго въ пути своемъ
Болѣзни, муки, смрадъ и гробы,
Бѣгущаго какъ хищный волкъ?

Откликнись, вождь нашъ несравненный!
Осиротѣлъ твой мечъ въ ножнахъ!
На твой лежащій шлемъ священный
Уже валятся ржа и прахъ!
Не спишь ли ты въ сіяньи славы?

Злодѣй земли изъ безднъ встаетъ,
И страшны рветъ съ себя оковы!
Въ лицѣ луны кровавый цвѣтъ
Огнистый мещетъ взоръ суровый
И змѣи дыбомъ на главѣ!

Проснись— Но что!— желанья тщетны!
Молчитъ весь міръ на голосъ мой!
Ссѣченный дубъ нашъ кратколѣтній
Не тмитъ уже лучей собой!
И шумъ вокругъ лишь въ листьяхъ мертвыхъ.

Вотъ Генія блестящій вѣкъ!
Гдѣ умъ? гдѣ духъ? гдѣ блескъ и сила?
И что такое человѣкъ?
Когда вся цѣль его — могила!
А сущность — горсть одна земли!

И свѣтъ и прахъ онъ здѣсь мгновенно!
Но скрытый сей небесный громъ
Единымъ мигомъ въ жизни тлѣнной
Быть можетъ вѣчности лучомъ!
О призракъ свѣта непостижный!

Ты рабъ, — и рабъ благій, иль злой,
Съ закатомъ солнца тѣнь растуща!
Единый Богъ свѣтильникъ твой.
Струя въ пути тебя несуща
Несетъ и червя за тобой!

Отечества сыны прямые,
Не унывайте въ скорбный часъ.
Все Богъ! — Его лучи святые
Съ рожденіемъ въ сердцахъ у васъ.
Орлу что пропасти бездонны?

Предшественница вѣра вамъ.
Царь Сѣвера, Отецъ народный,
Повергнувъ зло къ своимъ стопамъ
Откроетъ къ щастью путь свободный,
И землю отъ оковъ спасетъ.

Ступай, о Россъ! воипель ада,
Горою бей, и вихремъ рви,
Ударь дождемъ въ подобьи града,
Усѣй враговъ костями рвы.
Заря блаженства за тобою!

Державинъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ЧТЕНІЯ ТРИНАДЦАТАГО.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строк.	напечатано.	читай.
71	8	*короткіе,*	*короткія,*
75	6	холесу	колесу
81	4	возврастaвшихъ	возраставшихъ
83	9	Персямъ	персямъ
93	11	не видалъ	невидалъ!
—	18	трудъ.	трудъ,

